

The background features large, stylized letters 'P', 'a', 's', 's', 'i', 'o', 'n', 'a', 'r', 'i', 'u', 'm.' in a dark blue color. The letters are set against a light beige background with large, overlapping circles in red, blue, and orange. Several stylized human figures in blue and white are positioned around the text, appearing to walk or stand on the letters. The overall style is abstract and modern.

P a s s -
i o n a -
r i u m .

Лев
Николаевич
Гумилёв

Теория пассионарности
и этногенеза

Этногенез и биосфера Земли
Конец и вновь начало

Библиотека / Абсолют

Librar Absolut

Лев Николаевич Гумилев
PASSIONARIUM. Теория
пассионарности и
этногенеза (сборник)
Серия «Librari «ABSOLUT»»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19258295

PASSIONARIUM. Теория пассионарности и этногенеза: АСТ; Москва;

2016

ISBN 978-5-17-096484-0

Аннотация

Лев Николаевич Гумилев русский ученый, историк-этнолог, философ и географ, поэт и переводчик, основоположник пассионарной теории этногенеза.

В книгу вошли две известнейшие его работы. «Этногенез и биосфера Земли» – главный труд Льва Гумилева, переведенный на многие языки, посвященный проблеме возникновения и взаимоотношений этносов на Земле. «Конец и вновь начало» – работа, написанная на основе лекций по народоведению, прочитанных Гумилевым в Ленинграде и Москве в 1980-е годы и пользовавшихся невероятным успехом среди аудитории.

Содержание

Этногенез и биосфера Земли	9
Введение	10
Боязнь разочарования	10
Этносы как форма существования вида	13
Homo sapiens	
Предмет исследования	17
Экскурс в философию	21
Человечество как вид Homo sapiens	23
Определения понятия «этнос»	25
Часть первая	29
1. О полезности этнографии и трудностях, подлежащих преодолению	29
Несходство этносов	29
Запутанность применяющейся терминологии	34
Обобщения и скрупулюсы	37
Рамки	42
У историка без географии встречается «претыкание»	49
2. Природа и история	53
Сочетание природоведения и истории	53
Формации и этносы	57
Можно ли верить историческим	61

источникам?	
Можно ли верить памятникам?	66
3. А есть ли этнос?	71
Признака для определения этноса нет	71
Этнос – не общество	74
Язык	77
Идеология и культура	80
Происхождение от одного предка	88
Этнос как иллюзия	93
Между Западом и Востоком	96
Страна и народ без имени	102
«Этнос» – сочинение	110
С. М. Широкогорова	
«Состояния» и «процессы»	113
Часть вторая	118
4. Этнос и этноним	118
Имена обманчивы	118
Примеры камуфляжа	121
Бессилие филологии в истории	125
5. Мозаичность как свойство этноса	128
Обойтись без родового строя можно	128
Чем заменяют родовой строй	130
Образование субэтнических групп	133
Варианты этнических контактов	138
Роль экзогамии	144
Опыт интерпретации	147

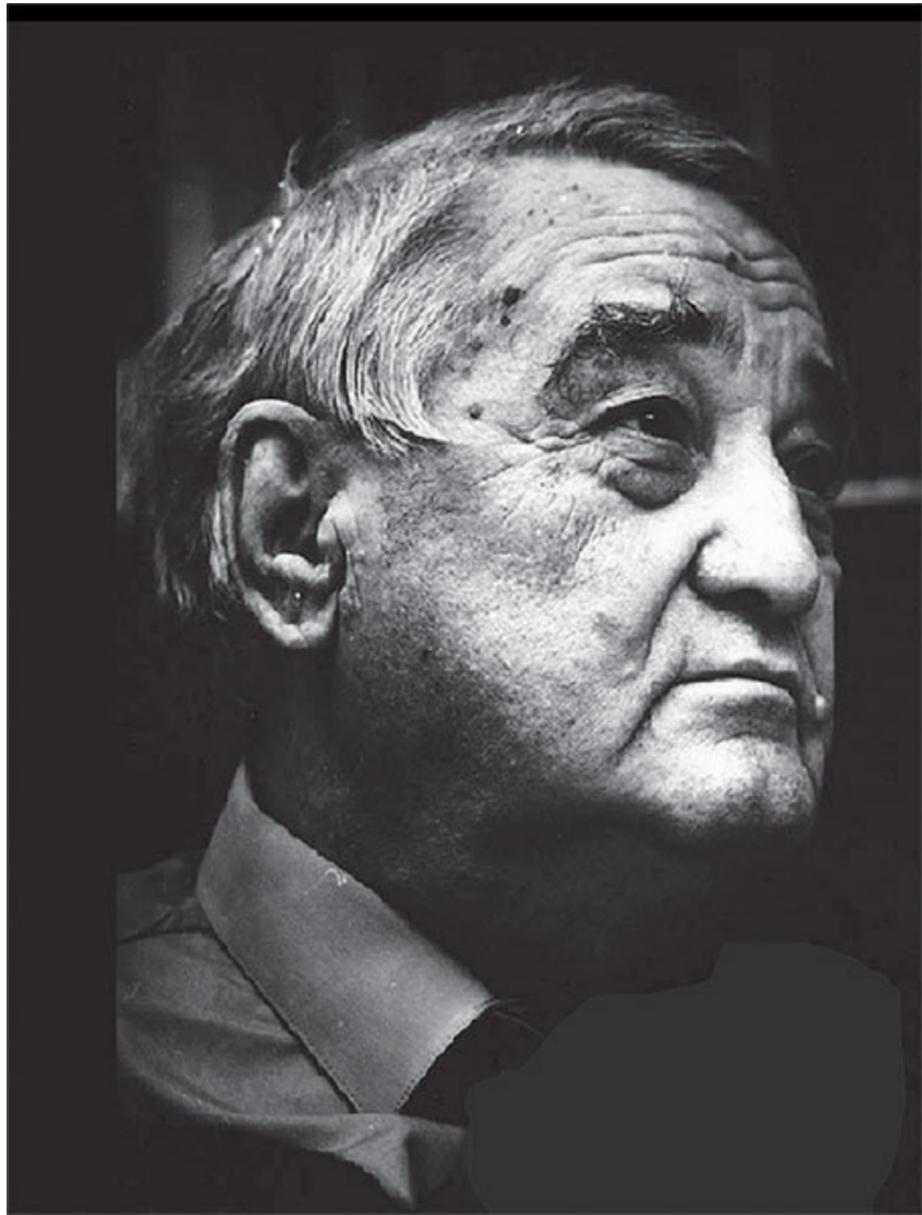
6. Этнический стереотип поведения	149
Несхожесть как принцип	149
Изменчивость стереотипов поведения	152
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Лев Гумилев
PASSIONARIUM.
Теория пассионарности
и этногенеза

© М. И. Новгородова, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Лев Николаевич Гумилёв 1912–1992

Этногенез и биосфера Земли

Изменение законов Природы вне людских возможностей хотя бы потому, что сами люди – часть Природы. Но знание законов Природы, в том числе законно этногенеза, очень полезно, ибо позволяет избежать многих бед.

Моей жене Наталии Викторовне посвящается

Введение

О чем пойдет речь и почему сие важно, в котором обосновывается необходимость этнологии и излагается взгляд автора на этногенез, без аргументации, коей посвящена остальная часть трактата, где автор поведет читателя через лабиринт противоречий.

Боязнь разочарования

Когда читатель нашего времени покупает и открывает новую книгу по истории или этнографии, он не уверен, что прочтет ее даже до середины. Книга может показаться ему скучной, бессмысленной или просто не отвечающей его вкусу. Но читателю-то еще хорошо: он просто потерял два-три рубля, а каково автору? Сборы сведений. Постановка задачи. Десятилетия поисков решения. Годы за письменном столом. Объяснения с рецензентами. Борьба с редактором. И вдруг все впустую – книга неинтересна! Она лежит в библиотеках... и ее никто не берет. Значит, жизнь прошла даром.

Это так страшно, что необходимо принять все меры для избежания такого результата. Но какие? За время обучения в университете и в аспирантуре будущему автору нередко внушается мысль, что его задача – выписать как можно больше цитат из источников, сложить их в каком-либо порядке

и сделать вывод: в древности были рабовладельцы и рабы. Рабовладельцы были плохие, но им было хорошо; рабы были хорошие, но им было плохо. А крестьянам жилось хуже.

Все это, конечно, правильно, но вот беда – читать про это никто не хочет, даже сам автор. Во-первых, потому, что это и так известно, а во-вторых, потому, что это не объясняет, например, почему одни армии одерживали победы, а другие терпели поражения, и отчего одни страны усиливались, а другие слабели. И, наконец, почему возникали могучие этносы и куда они пропадали, хотя полного вымирания их членов заведомо не было.

Все перечисленные вопросы целиком относятся к избранной нами теме – внезапному усилению того или иного народа и последующему его исчезновению. Яркий пример тому – монголы XII–XVII вв., но и другие народы подчинялись той же закономерности. Покойный академик Б. Я. Владимирцов четко сформулировал проблему: «Я хочу понять, как и почему все это произошло?», но ответа не дал, как и другие исследователи. Но мы снова и снова возвращаемся к этому сюжету, твердо веруя, что читатель не закроет книгу на второй странице.

Совершенно ясно, что для решения поставленной задачи мы должны прежде всего исследовать саму методику исследования. В противном случае эта задача была бы уже давно решена, потому что количество фактов столь многочисленно, что речь идет не об их пополнении, а об отборе тех,

которые имеют отношение к делу. Даже современники-летописцы тонули в море информации, что не приближало их к пониманию проблемы. За последние века много сведений добыли археологи, летописи собраны, изданы и сопровождаются комментариями, а востоковеды еще увеличили запас знаний, кодифицируя различные источники: китайские, персидские, латинские, греческие, армянские и арабские. Количество сведений росло, но в новое качество не переходило. По-прежнему оставалось неясным, каким образом маленькое племя иногда оказывалось гегемоном полумира, затем увеличивалось в числе, а потом исчезало.

Автор данной книги поставил вопрос о степени нашего знания, а точнее – незнания предмета, которому исследование посвящено. То, что на первый взгляд просто и легко, при попытке овладеть сюжетами, интересующими читателя, превращается в загадку. Поэтому обстоятельную книгу писать надо. К сожалению, мы не можем сразу предложить точные дефиниции (которые, вообще говоря, весьма облегчают исследование), но по крайней мере мы имеем возможность сделать первичные обобщения. Пусть даже они не исчерпают всей сложности проблемы, но в первом приближении позволят получить результаты, вполне пригодные для интерпретации этнической истории, которую еще предстоит написать. Ну а если найдется привередливый рецензент, который потребует дать в начале книги четкое определение понятия «этнос», то можно сказать так: этнос – феномен био-

сферы, или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества, в согласии с принципом второго начала термодинамики, что подтверждается диахронической последовательностью исторических событий. Если этого достаточно для понимания, то книгу дальше можно не читать.

Этносы как форма существования вида *Homo sapiens*

Больше ста лет ведутся дискуссии: изменяется ли биологический вид *Homo sapiens* или социальные закономерности полностью вытеснили механизм действия видообразующих факторов? Общей для человека и всех других живых существ является необходимость обмениваться со средой веществом и энергией, но отличается он от них тем, что почти все необходимые для него средства существования вынужден добывать трудом, взаимодействуя с природой не только как биологическое, но прежде всего как социальное существо. Условия и средства, производительные силы и соответствующие им производственные отношения непрерывно развиваются. Закономерности этого развития исследуются марксистской политической экономией и социологией.

Однако социальные закономерности развития человечества не «отменяют» действия закономерностей биологиче-

ских, в частности мутаций¹, и исследовать их необходимо, дабы избежать теоретической односторонности и практического вреда, который мы наносим сами себе, игнорируя или сознательно отрицая нашу подчиненность не только социальным, но и более общим закономерностям развития.

Методологически начать такое исследование можно исходя из преднамеренного отвлечения от конкретных способов производства. Такая абстракция представляется оправданной, в частности, потому, что характер этногенеза существенно отличается от ритмов развития социальной истории человечества. При таком способе рассмотрения, как мы надеемся, яснее станут контуры механизма взаимодействия человечества с природой.

Как бы ни была развита техника, все необходимое для поддержания жизни люди получают из природы. Значит, они входят в трофическую цепь как верхнее, завершающее звено биоценоза населяемого ими региона. А коль скоро так, то они являются элементами структурно-системных целостностей, включающих в себя, наряду с людьми, domestикаты (домашние животные и культурные растения), ландшафты, как преобразованные человеком, так и девственные, богатства недр, взаимоотношения с соседями – либо друже-

---

¹ «В лице современного человека процесс биологической эволюции создал обладателя видовых свойств, которые привели к затуханию дальнейшей эволюции» [173, с. 314]; «Отсутствие естественного отбора было равносильно прекращению действия одного из факторов эволюции... и биологическая эволюция человека должна была остановиться» [41, с. 229]; [92, с. 16].

ские, либо враждебные, ту или иную динамику социального развития, а также то или иное сочетание языков (от одного до нескольких) и элементов материальной и духовной культуры. Эту динамическую систему можно назвать этноценозом. Она возникает и рассыпается в историческом времени, оставляя после себя памятники человеческой деятельности, лишённые саморазвития и способные только разрушаться, и этнические реликты, достигшие фазы гомеостаза. Но каждый процесс этногенеза оставляет на теле земной поверхности неизгладимые следы, благодаря которым возможно установление общего характера закономерностей этнической истории. И теперь, когда спасение природы от разрушительных антропогенных воздействий стало главной проблемой науки, необходимо уяснить, какие стороны деятельности человека были губительны для ландшафтов, вмещающих этносы. Ведь разрушение природы с гибельными последствиями для людей – беда не только нашего времени, и оно не всегда сопряжено с развитием культуры, а также с ростом населения.

Ставя вопрос о взаимодействии двух форм закономерного развития, необходимо условиться об аспекте. Речь может идти либо о развитии биосферы в связи с деятельностью человека, либо о развитии человечества в связи со становлением природной среды: биосферы и костного вещества, составляющего другие оболочки Земли: литосферу и тропосферу. Взаимодействие человечества с природой постоянно, но крайне вариабельно и в пространстве, и во времени. Одна-

ко за видимым разнообразием кроется единый принцип, характерный для всех наблюдаемых феноменов. Поэтому поставим вопрос именно так!

Природа Земли весьма разнообразна; человечество в отличие от прочих видов млекопитающих тоже разнообразно, ибо человек не имеет природного ареала, а распространен, начиная с верхнего палеолита, по всей суше планеты. Адаптивные способности человека на порядок больше, чем у прочих животных. Значит, в разных географических регионах и в разные эпохи люди и природные комплексы (ландшафты и геобиоценозы) взаимодействуют по-разному. Сам по себе этот вывод бесперспективен, так как калейдоскоп не поддается исследованию, но попробуем внести в проблему классификацию... и все будет по-иному. Между закономерностями природы и социальной формой движения материи существует постоянная корреляция. Но каков ее механизм и где точка соприкосновения природы и общества? А эта точка есть, иначе не возникло бы вопроса об охране природы от человека.

С. В. Калесник предложил разделить географию на: 1) экономическую, исследующую творения людей, и 2) физическую, изучающую природные оболочки Земли, в том числе биосферу [117, с. 209–221; 118; 119, с. 247–248; 120]. Очень разумное деление. Природа творит то, чего мы творить не можем: горы и реки, леса и степи, новые виды животных и растений. А люди строят дома, сооружают машины, ваяют

статуи и пишут трактаты. Природа этого делать не может.

Есть ли между творениями природы и человека принципиальная разница? Да! Элементы природы переходят в друг друга... «Этот камень рычал когда-то, этот плющ парил в облаках». Природа живет вечно, набухая той энергией, которую получает от Солнца и звезд нашей Галактики и радиораспада в глубинах нашей планеты. Биосфера планеты Земля побеждает мировую энтропию путем биогенной миграции атомов, стремящихся к расширению [48, с. 283–285]. И наоборот, предметы, созданные человеком, могут или сохраняться, или разрушаться. Пирамиды стоят долго, Эйфелева башня так долго не простоит. Но не вечны ни те, ни другая. В этом принципиальная разница между биосферой и техносферой, какие бы грандиозные размеры последняя ни приобрела.

Предмет исследования

Обзор современного состояния науки об этносе должно повергнуть читателя в недоумение. Все пишущие на эту тему авторы, в том числе этнографы, по существу подменяют подлинными этнологическими характеристиками профессиональными, сословными и т. д., что, собственно, равнозначно отрицанию этноса как реальности. О существовании этноса говорит только то, что он непосредственно ощущается людьми как явление (феномен), но ведь это не доказатель-

ство. Поэт сказал: «И день, и ночь пред нами солнце ходит, однако ж прав упрямый Галилей». И действительно, у этнолога есть некоторые основания для пессимизма, кажущиеся на первый взгляд непреодолимыми.

Этнология – это рождающаяся наука. Потребность в ней возникла лишь во второй половине XX в., когда выяснилось, что простое накопление этнографических собраний и наблюдений грозит тем, что наука, не ставящая проблем, превратится в бессмысленное коллекционерство. И вот возникли на наших глазах обществоведение и этнология – две дисциплины, интересующиеся одним на первый взгляд предметом – человечеством, но в совершенно разных аспектах. И это закономерно. Каждый человек одновременно – член социума и член этноса, а это далеко не одно и то же. Равным образом этнология как наука требует определения. Скажем пока так, что этнология – это наука об импульсах поведения этнических коллективов, подобная этологии, науке о поведении животных. Импульсы могут быть сознательными и эмоциональными, диктоваться личной волей индивида, традицией, принудительным воздействием коллектива, влиянием внешней обстановки, географической среды и даже спонтанным развитием, поступательным ходом истории. Для того чтобы разобраться в столь сложном вопросе, нужна соответствующая методика. Методика может быть либо традиционной методикой гуманитарных наук, либо естественно-научной. Какую же следует выбрать для успешного преодоления

трудностей, возникающих перед ученым, взявшимся за совершенно новую область науки?

Прежде всего уточним понятие «гуманитарные науки». В Средние века в христианском мире единственным абсолютно авторитетным источником научной информации были две книги: Библия и сочинения Аристотеля. Наука сводилась к комментированию цитат, которые нужно было приводить точно, потому что безграмотные ересиархи часто выдумывали якобы цитируемые изречения пророков, Христа и Аристотеля. Отсюда возникла система ссылок на текст, удержавшаяся до настоящего времени. Эта ступень науки называлась схоластикой, и к XV в. она перестала удовлетворять ученых. Тогда был расширен круг источников – привлекались сочинения других древних авторов, тексты которых нуждались в проверке. Так возникла гуманитарная (т. е. человеческая, а не божественная) наука – филология, отличающаяся от схоластики критическим подходом к текстам. Но источник был все тот же – чужие слова. После эпохи Возрождения крупные натуралисты противопоставили гуманитарным способам получения информации естествоиспытание, основанное на наблюдении природы и эксперименте. Сменилась постановка вопроса: вместо «что сказали древние авторы?» пытались выяснить «что есть на самом деле?». Как видим, изменился не предмет изучения, а подход и, соответственно, методика.

Новая методика завоевывала признание медленно и

неравномерно. Еще в 1633 г. Галилею пришлось отречься от того, что Земля вертится вокруг Солнца, причем его противники апеллировали к тому, что таких сведений в известной им литературе нет. В XVIII в. Лавуазье на заседании Французской академии наук объявил «антинаучным» сообщение о падении метеорита: «Камни с неба падать не могут, потому что на небе нет камней!» География только в XIX в. избавилась от легенд об амазонках, волосатых людях, гигантских спрутах, топящих корабли, и прочей беллетристики, которую читатели, находившиеся на обывательском уровне, воспринимали буквально. Труднее всего было историкам, которые не могли ни поставить эксперимент, ни повторить наблюдение. Но тут пришел на выручку монистический подход, который позволил провести критику источника, как компаративную, так и внутреннюю. Благодаря многим кропотливым исследованиям были составлены кодексы бесспорных фактов с хронологическими привязками, а часть сомнительных сведений отвергнута. Это огромное богатство знаний может принести пользу лишь тогда, когда оно будет приложено к определенному объекту, будь то социальные общности – классы, или политические целостности – государства, или этносы, которые нас интересуют. В последнем случае факты истории превращаются в «информационный архив» и служат целям этнологии наряду с другими сведениями: географическими, биологическими, биофизическими и биохимическими, что при наличии творческого син-

теза дает возможность трактовать этнологию как естественную науку, построенную на достаточном количестве достоверных наблюдений, зафиксированных во время накопления первичного материала.

А теперь вернемся к кардинальному тезису: можно ли считать, что этнография, как описательная, так и теоретическая, вышла из поля зрения географии и всецело принадлежит сфере исторических наук? Нет, и еще раз нет! Такая позиция, на наш взгляд, беспочвенна и деструктивна. Она ведет науку к оскудению, т. е. упрощению за счет сокращения эрудиции научного сотрудника. Ему-то, конечно, легче, но его работа теряет перспективность и перестает представлять интерес для читателя. Боюсь, что упорное несогласие с поставленным здесь тезисом приведет к компрометации не только исторической методики, применяемой не для того, для чего она была разработана, но и самой науки – этнографии. Ибо для нее есть только один путь развития – превращение в этнологию, где наряду с собиранием и описанием материала идет интерпретация его под тем углом зрения, который продиктован постановкой проблемы.

Экскурс в философию

Здесь должно быть предельно кратким. Поскольку мы исходим из того, что этнос в своем становлении – феномен природный, то основой его изучения может быть только фи-

лософия естество знания, т. е. диалектический материализм. Исторический материализм ставит своей целью раскрытие законов общественного развития, т. е. относится, по выражению К. Маркса, к истории людей, а не истории природы, находящейся в телах людей. И хотя обе эти «истории» тесно переплетены и взаимосвязаны, научный анализ требует уточнения угла зрения, т. е. аспекта. Привлекаемый нами исторический материал – наш информационный архив, не более. Для целей анализа это необходимо и достаточно. По данному поводу К. Маркс выразился четко: «Сама история является *действительной* частью истории природы, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естество знание: это будет *одна* наука» [143, т. 42, с. 124]. Ныне мы стоим на пороге создания такой науки.

Когда же речь пойдет о синтезе, то соответственно изменится подход к проблеме. Но, как известно, анализ предшествует синтезу, и нет нужды забегать вперед. Скажем только, что и тогда основы научного материалистического естествознания останутся незыблемыми. Условившись о значении терминов и характере методики, перейдем к постановке проблемы.

Человечество как вид *Homo sapiens*

Принято говорить: «Человек и Земля» или «Человек и Природа», хотя еще в средней школе объясняют, что это элементарный, примитивный антропоцентризм, унаследованный от Средневековья. Да, конечно, человек создал технику, чего не создал ни динозавр мезозойской эры, ни махайродус эры кайнозойской. Однако при всех достижениях XX в. каждый из нас несет внутри себя природу, которая составляет содержание жизни, как индивидуальной, так и видовой. И никто из людей, при прочих равных условиях, не откажется от того, чтобы дышать и есть, избегать гибели и охранять свое потомство. Человек остался в пределах вида, в пределах биосферы – одной из оболочек планеты Земля. Человек совмещает присущие ему законы жизни со специфическими явлениями техники и культуры, которые, обогатив его, не лишили сопричастности стихии, его породившей.

Человечество как биологическая форма – это единственный вид с огромным количеством вариаций, распространившийся в послеледниковую эпоху по всей поверхности земного шара. Густота распространения вида различна, но за исключением полярных льдов вся Земля – обиталище человека. И не следует думать, что где-нибудь есть «девственные» земли, куда не ступала нога человека. Нынешние пустыни и дебри наполнены следами палеолитических стоянок; леса Амазон-

ки растут на переотложенных почвах, некогда разрушенных земледелием древних обитателей; даже на утесах Анд и Гималаев найдены следы непонятных нам сооружений. Иными словами, за период своего существования вид *Homo sapiens* неоднократно и постоянно модифицировал свое распространение на поверхности Земли. Он, подобно любому другому виду, стремился освоить возможно большее пространство с возможно большей плотностью населения [47, с. 24–31]. Однако что-то ему мешало и ограничивало его возможности. Что же?

В отличие от большинства млекопитающих, *Homo sapiens* нельзя назвать ни стадным, ни индивидуальным животным. Человек существует в коллективе, который, в зависимости от угла зрения, рассматривается то как социум, то как этнос. Вернее сказать, каждый человек является одновременно и членом общества, и представителем народности, но оба эти понятия несоизмеримы и лежат в разных плоскостях, как, например, длина и вес, или степень нагрева и электрический заряд.

Социальное развитие человечества хорошо изучено, и его закономерности сформулированы историческим материализмом. Спонтанное развитие социальных форм через общественно-экономические формации присуще только человеку, находящемуся в коллективе, и никак не связано с его биологической структурой. Этот вопрос настолько ясен, что нет смысла на нем останавливаться. Зато вопрос о народно-

стях, которые мы будем именовать во избежание терминологической путаницы этносами, полон нелепостей и крайне запутан. Несомненно одно – вне этноса нет ни одного человека на Земле. Каждый человек на вопрос: «Кто ты?» – ответит: «русский», «француз», «перс», «масай» и т. д., не задумавшись ни на минуту. Следовательно, этническая принадлежность в сознании – явление всеобщее. Но это еще не все.

Определения понятия «Этнос»

Какое значение или, главное, какой смысл вкладывает каждый человек из числа перечисленных в свой ответ? Что он называет своим народом, нацией, племенем и в чем он видит свое отличие от соседей – вот нерешенная до сих пор проблема этнической диагностики. На бытовом уровне она не существует, подобно тому, как не требует определения различие между светом и тьмой, теплом и холодом, горьким и сладким. Иными словами, в качестве критерия выступает ощущение. Для обыденной жизни этого достаточно, но для понимания мало. Возникает потребность в определении. Но тут начинается разнобой. «Этнос – явление, определяемое общностью происхождения»; «этнос – порождение культуры на базе общего языка»; «этнос – группа людей, похожих друг на друга»; «этнос – скопище людей, объединенное общим самосознанием»; «этнос – условная классификация, обобщающая людей в зависимости от той или иной формации» (это

означает, что категория этноса нереальна); «этнос – порождение природы»; «этнос – социальная категория».

Обобщая разнообразные в деталях взгляды советских ученых на соотношение природы и общественного человека, можно выделить три точки зрения. 1. «Единая» география сводит всю деятельность человека к природным закономерностям [9; 169]. 2. Некоторые историки и этнографы считают все феномены, связанные с человечеством, социальными, делая исключение лишь для анатомии и отчасти физиологии [2; 8; 34; 35; 37; 38; 126; 128; 198; 208]. 3. В антропогенных процессах различаются проявления общественной и комплекса природных (механическая, физическая, химическая и биологическая) форм движения материи. Последняя концепция представляется автору единственно правильной.

Особое место занимает точка зрения М. И. Артамонова, известного археолога и историка хазар. По его мысли, родившейся вследствие долгих занятий археологическими, т. е. мертвыми культурами и памятниками, лишенными саморазвития, но разрушающимися от течения времени (об этом см. выше), «этнос, как и класс, не социальная организация, а состояние, при этом зависимость человека от природы тем меньше, чем выше его культурный уровень; это прописная истина» [15; с. 75–77]. Согласиться трудновато.

Начнем с последнего тезиса. Организм человека входит в биосферу Земли и участвует в конверсии биоценоза. Никто не может доказать, что профессор дышит иначе, чем буш-

мен, или размножается неполовым путем, или нечувствителен к воздействию на кожу серной кислоты, что он может не есть, или, наоборот, съесть обед на 40 человек, или что на него иначе действует земное тяготение. А ведь это все зависимость от природы того самого организма, который действует и мыслит, приспосабливается к изменяющейся среде и изменяет среду, приспосабливая ее к своим потребностям, объединяется в коллективы и в их составе создает государства. Мыслящая индивидуальность составляет единое целое с организмом и, значит, не выходит за пределы живой природы, которая является одной из оболочек планеты Земля. Но вместе с тем человек отличается от прочих животных тем, что изготавливает орудия, создавая качественно иную прослойку – техносферу. Произведения рук человека как из косного, так и из живого вещества (орудия, произведения искусства, домашние животные, культурные растения) выпадают из цикла конверсии биоценоза. Они могут лишь либо сохраняться, либо, ежели не законсервированы, разрушаться. В последнем случае они возвращаются в лоно природы. Брошенный в поле меч, перержавев, превращается в окись железа. Разрушенный замок становится холмиком. Одичавшая собака делается диким зверем динго, а лошадь – мустангом. Это смерть вещей (техносферы) и обратный захват природой похищенного у нее материала. История древних цивилизаций показывает, что природа хотя и терпит урон от техники, но в конечном счете берет свое, разуме-

ется, за исключением тех предметов, которые преобразованы настолько, что стали необратимы. Таковы кремневые орудия времен палеолита, отшлифованные плиты в Баальбеке, бетонированные площадки и пластмассовые изделия. Это трупы, даже мумии, которые биосфера не в силах вернуть в свое лоно, но процессы косного вещества – химические и термические – могут вернуть их в первозданное состояние в том случае, если нашу планету постигнет космическая катастрофа. А до тех пор они будут называться памятниками цивилизации, ибо и наша техника когда-нибудь станет памятником.

Приняв предложенную С. В. Калесником классификацию за основу, мы должны найти в ней место для феномена этноса. Забегая вперед, скажем, что этносы – явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специальное назначение в строении биосферы Земли. Пусть это выглядит как декларация, но теперь читатель знает, ради чего написана эта книга, автор которой не просто стремился дать формулировку, а показать весь путь, которым она была достигнута, и основания, убеждающие в том, что она на сегодняшнем уровне науки отвечает всем требованиям, предъявляемым к научным гипотезам. После этого мы можем перейти к системе доказательств.

Часть первая

О видимом и невидимом, где доказывается, что поверхностные наблюдения уведут исследователя на ложный путь, и предлагаются способы самоконтроля и самопроверки.

1. О полезности этнографии и трудностях, подлежащих преодолению

Несходство этносов

Когда какой-либо народ² долго и спокойно живет на своей родине, то его представителям кажется, что их способ жизни, манеры, поведение, вкусы, воззрения и социальные взаимоотношения, т. е. все то, что ныне именуется «стереотипом поведения», единственно возможны и правильны. А если и бывают где-нибудь какие-либо отклонения, то это – от

---

² Народ, народность, нация, племя, родовой союз – все эти понятия обозначаются в этнологии термином «этнос», раскрытию которого и посвящена настоящая книга. Условиться о значении любого термина легко, но это мало что дает, разве лишь исходную позицию для исследования. Раскрыть термин трудно, ибо это значит показать место феномена в природе и истории. Когда мне говорят: «Скажи просто», я отвечаю: «А что такое свет? Скажите просто». Еще никто не ответил. Вот поэтому я прошу читателя простить мне сложность изложения и прочесть книгу с начала до конца, ничего не пропуская.

«необразованности», под которой понимается просто непохожесть на себя. Помню, когда я был ребенком и увлекался Майн Ридом, одна весьма культурная дама сказала мне: «Негры – такие же мужики, как наши, только черные». Ей не могло прийти в голову, что меланезийская колдунья с берегов Малаиты могла бы сказать с тем же основанием: «Англичане – такие же охотники за головами, как мы, только белого цвета». Обывательские суждения иногда кажутся внутренне логичными, хотя и основываются на игнорировании действительности. Но они немедленно разбиваются при соприкосновении с оной.

Для средневековой науки Западной Европы этнография была неактуальна. Общение европейцев с иными культурами ограничивалось бассейном Средиземного моря, на берегах которого жили потомки подданных Римской империи, частично обращенные в ислам. Это, конечно, разделяло их с «франками» и «латинами», т. е. французами и итальянцами, но наличие общих корней культуры делало разницу не настолько большой, чтобы исключить взаимопонимание. Но в эпоху Великих географических открытий положение изменилось коренным образом. Если даже можно было назвать негров, папуасов и североамериканских индейцев «дикарями», то этого нельзя было сказать ни про китайцев, ни про индусов, ни про ацтеков и инков. Надо было искать другие объяснения.

В XVI в. европейские путешественники, открыв для се-

бя далекие страны, невольно стали искать в них аналогии с привычными им формами жизни. Испанские конкистадоры стали давать крещеным касикам титул «дон», считая их индейскими дворянами. Главы негритянских племен получили название «короли». Тунгусских шаманов считали священниками, хотя те были просто врачами, видевшими причину болезни во влиянии злых «духов», которые, впрочем, считались столь же материальными, как звери или иноплеменники. Взаимное непонимание усугублялось уверенностью, что и понимать-то нечего, и тогда возникали коллизии, приводившие к убийствам европейцев, оскорблявших чувства аборигенов, в ответ на что англичане и французы организовывали жестокие карательные экспедиции. Цивилизованный австралийский абориген Вайпулданья, или Филипп Робертс, передает рассказы о трагедиях тем более страшных, что они возникают без видимых причин. Так, аборигены убили белого, закурившего сигарету, сочтя его духом, имеющим в теле огонь. Другого пронзили копьем за то, что он вынул из кармана часы и взглянул на солнце. Аборигены решили, что он носит в кармане солнце. А за подобными недоразумениями следовали карательные экспедиции, приводившие к истреблению целых племен. И не только с белыми, но и с малайцами у австралийских аборигенов и папуасов Новой Гвинеи часто возникали трагические коллизии, особенно осложненные переносом инфекции [139, с. 142–145].

30 октября 1968 г. на берегу реки Манаус, притока Ама-

зонки, индейцы атроари убили миссионера Кальяри и восьмерых его спутников исключительно за бестактность, с их точки зрения. Так, прибыв на территорию атроари, падре известил о себе выстрелами, что по их обычаям неприлично; входил в хижину-малоку, несмотря на протест хозяев; выдрал за ухо ребенка; запретил брать кастрюлю со своим супом. Из всего отряда уцелел только лесник, знавший обычаи индейцев и покинувший падре Кальяри, не внимавшего его советам и забывшего, что люди на берегах По совсем не похожи на тех, кто живет на берегах Амазонки [205].

Прошло немало времени, прежде чем был поставлен вопрос: а не лучше ли применить к аборигенам, чем истреблять их? Но для этого оказалось необходимым признать, что народы других культур отличаются от европейских, да и друг от друга, не только языками и верованиями, но и всем «стереотипом поведения», который целесообразно изучить, чтобы избегать лишних ссор. Так возникла этнография, наука о различиях между народами.

Уходит под ударами национально-освободительного движения колониализм, но остаются и расширяются межэтнические контакты. Следовательно, проблема установления взаимопонимания становится все более насущной как в глобальных масштабах мировой политики, так и в микроскопических, личных, при встречах с людьми симпатичными, но не похожими на нас. И тогда встает новый вопрос, теоретический, несмотря на практическую его значимость: а поче-

му мы, люди, столь не похожи друг на друга, что должны «применяться» друг к другу, изучать чужие манеры и обычаи, искать приемлемые пути общения вместо тех, которые представляются нам естественными и которые вполне достаточны для внутриэтнического общения и удовлетворительны для контактов с нашими соседями? В некоторых случаях этническое несходство можно объяснить разнообразием географических условий, но ведь оно наблюдается и там, где климат и ландшафты близки между собою. Очевидно, без истории не обойтись.

В самом деле, разные народы возникали в разные эпохи и имели разные исторические судьбы, которые оставляли следы столь же неизгладимые, как личные биографии, которые формируют характер отдельных людей. Конечно, на этносы влияет географическая среда через повседневное общение человека с кормящей его природой, но это не все. Традиции, унаследованные от предков, играют свою роль, привычная вражда или дружба с соседями (этническим окружением) – свою, культурные воздействия, религия – имеют свое значение, но, кроме всего этого, есть закон развития, относящийся к этносам, как к любым явлениям природы. Проявление его в многообразных процессах возникновения и исчезновения народов мы называем этногенезом. Без учета особенностей этой формы движения материи мы не сможем найти ключ к разгадке этнопсихологии ни в практическом, ни в теоретическом плане. Нам нужно и то и другое, но на из-

бранном нами пути возникают неожиданные трудности.

Запутанность применяющейся терминологии

Избыток первичной информации и слабая разработанность принципов систематизации особенно болезненно отражаются на истории и этнографии. Ведь одна только библиография занимает тома, разобраться в которых иногда не проще, нежели в самих научных проблемах. У читателя есть потребность в том, чтобы увидеть одновременно всю совокупность событий (принцип актуализма) или все способы их становления (принцип эволюционизма), а не многотомный список названий статей, по большей части устаревших. В трудах основоположников марксизма содержится программа системного подхода к пониманию исторических процессов, но к этногенезу она еще не применялась.

Правда, в старинной и отчасти забытой историографии известно несколько попыток ввести в эту область системный метод, но в отличие от представителей естественных наук их авторы не встретили ни понимания, ни сочувствия. Концепцию Полибия ныне рассматривают как изящный раритет; Ибн Халдуна (XIV в.) – как курьез; Джамбаттиста Вико упоминается только в истории науки, а грандиозные, хотя, пожалуй, неудачные, конструкции Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби стали поводом для того, чтобы во-

обще отказаться от построения исторических моделей. Результат этого процесса однозначен. Поскольку всю совокупность исторических событий запомнить невозможно и поскольку при отсутствии системы нет и не может быть терминологии, то даже общение между историками год от года затрудняется.

Придавая терминам разные оттенки и вкладывая в них различное содержание, историки превращают их в многозначные слова. На первых стадиях этого процесса еще можно понять собеседника исходя из контекста, интонации, ситуации, при которой происходит диспут, но на последующих фразах и эта (неудовлетворительная) степень понимания исчезает. Так, слово «род» обычно применяется к понятию «родовой строй», но «род бояр Шуйских» сюда явно не относится. Еще хуже при переводе: если род – кельтский клан, то так нельзя называть какую-либо казахскую отрасль Среднего и Младшего Жуса (ру) или алтайскую «кость» (сеок), потому что они различны по функциям и генезису. А все эти отнюдь не схожие явления именуются одинаково и, более того, на этом основании приравниваются друг к другу. Волей-неволей историк изучает не предмет, а слова, уже потерявшие смысл, в то время как реальные явления от него ускользают. А теперь допустим, что о проблеме дискутируют три историка, причем один вкладывает в понятие «род» – клан, второй – сеок, третий – боярскую фамилию. Очевидно, что они просто не поймут не только друг друга, но и того, о

чем идет речь.

Конечно, нам могут возразить, что можно условиться о терминах, но количество понятий растет прямо пропорционально накоплению информации, появляются все новые термины, которые при отсутствии системы становятся многозначными (полисемантическими) и, следовательно, негодными для целей анализа и синтеза. Но и здесь можно найти выход.

До сих пор мы говорили о кондициях исследования, скажем же о перспективах его. Изучение любого предмета имеет практическое значение лишь тогда, когда есть возможность обозреть предмет целиком. Так, например, электротехник должен представлять себе, пусть не в одинаковой степени, действие ионизации и тепловой отдачи, электромагнитного поля и т. п.; физикогеограф, говоря об оболочках Земли, помнит о тропосфере, гидросфере, литосфере и даже биосфере. Так же и историк лишь тогда может сделать более весомые и интересные для читателя выводы, когда он охватывает в едином рассуждении широкий комплекс взаимосвязанных событий, одновременно условливаясь о терминологии. Это трудно, но не невозможно. Важно лишь, чтобы вывод соответствовал всем учтенным фактам. Если кто-либо предложит для объяснения перечисленных в этой книге фактов концепцию более изящную и более убедительную, то я с почтением склоню перед ним голову. И наоборот, если бы кто-нибудь объявил мои выводы окончательными, не

подлежащими пересмотру и дальнейшей разработке, то я не согласился бы с ним. Многие книги, увы, живут не дольше, чем люди, а развитие науки – имманентный закон становления человечества. И поэтому я вижу свою задачу в том, чтобы принести посильную пользу Прекрасной Даме Истории и ее Мудрой Сестре – Географии, которая роднит людей с их праmaterью – Биосферой планеты Земля³.

Обобщения и скрупулюсы

Вид *Homo sapiens*, распространившийся по всей суше и значительной части морской поверхности планеты, внес в ее конфигурацию столь значительные изменения, что их можно приравнять к геологическим переворотам малого масштаба... [48, с. 273]. Но из этого вытекает, что нами выделяется особая категория закономерностей – историко-географическая, требующая для рассмотрения и изучения особой методики, совмещающей исторические и географические приемы исследования. Это само по себе не ново, но подход к проблеме до сих пор был эклектическим. Например, примене-

---

³ *Биосфера* – термин, введенный в науку В. И. Вернадским, означает одну из оболочек Земли, включающую в себя кроме совокупности живых организмов все плоды их былой жизнедеятельности: почвы, осадочные породы, свободный кислород атмосферы. Таким образом, установление связи этногенеза с биохимическими процессами биосферы не «биологизм», как полагают некоторые мои оппоненты, а уж скорее «географизм», хотя и такой «ярлык» вряд ли уместен; ведь все, что есть на поверхности Земли, так или иначе входит в сферу географии – либо физической, либо экономической, либо исторической.

ние анализа по C^{14} для датировок археологических памятников, электроразведка (дело слишком трудоемкое для практического применения), приемы кибернетики при изучении «каменных баб» (что дало те же результаты, что и визуальный подсчет) и т. п. А самое главное упускалось из виду! Это «главное», по нашему мнению, – умение извлекать информацию из молчания источников. Путь индукции ограничивает возможности историка простым или критическим пересказом чужих слов, причем лимитом исследования является недоверие к данным источника. Но этот результат негативный и потому не окончательный. Позитивным будет только установление некоторого количества бесспорных фактов, которые, будучи отслоены от источника, могут быть сведены в хронологическую таблицу или размещены по исторической карте. Для того чтобы их интерпретировать, нужна философия, постулат, а это нарушает принятый принцип индуктивного исследования. Тупик!

Так! Но географ, геолог, зоолог, почвовед никогда не имеют больше данных, а их науки развиваются. Это происходит потому, что вместо философского постулата естественники применяют «эмпирическое обобщение», имеющее, согласно В. И. Вернадскому, достоверность, равную наблюдаемому факту [47, с. 19]. Иными словами, естественные науки преодолели молчание историков и даже извлекли из этого пользу для науки, поскольку избавились от лжи, всегда содержащейся в источнике или привносимой нами самими

путем неадекватного восприятия. Так почему от этого отказываться историкам? Привлекая природу как источник, мы обязаны привлечь и соответствующую методику изучения, а это дает нам великолепные перспективы, которые позволяют приподнять покрывало Изиды.

Одна из задач науки – это получение наибольшей информации из наименьшего количества фактов, дабы сделать возможным выделение точных закономерностей, позволяющих с единой точки зрения понять самые разные явления, а в дальнейшем научиться ориентироваться в них. Эти закономерности невидимы, но и не придуманы: они открыты путем обобщения. Приведу пример, заимствованный из биологии: «По небу движутся звезды и планеты. Воздушный шар поднимается, а камень, сорвавшись с обрыва, падает в пропасть. Реки текут в море, а в океанах выпадают осадки, образуя слои осадочных пород. У мыши очень тонкие лапки, а у слона – огромные конечности. Наземные животные не достигают размеров китов и гигантских кальмаров. Что общего между этими фактами? Все они основаны на закономерности всемирного тяготения, которая переплетается с другими закономерностями, столь же реальными, невидимыми, но умопостигаемыми» [140, с. 7].

Земная гравитация существовала всегда, но, чтобы люди узнали о ее существовании, понадобилось озарение Ньютона, наблюдавшего падение яблока с ветки. И сколько еще могучих сил природы, окружающих нас и управляющих нашей

судьбой, лежит за пределами нашего разумения. Мы живем в недооткрытом мире и часто двигаемся на ощупь, что иной раз ведет к трагическим последствиям. Вот почему волшебные очки науки, под которыми я подразумеваю прозрение гениальных ученых, нужны для того, чтобы, поняв окружающий нас мир и наше место в нем, научиться провидеть хотя бы ближайшие последствия своих поступков.

Исследования, посвященные установлению функциональной связи явлений физической географии и палеоэтнологии на материале истории Центральной Азии и археологии низовий Волги, позволили сделать три вывода. 1. Историческая судьба этноса, являющаяся результатом его деятельности, непосредственно связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта. 2. Археологическая культура данного этноса, представляющая собою кристаллизованный след его исторической судьбы, отражает палеогеографическое состояние ландшафта в эпоху, поддающуюся абсолютной датировке. 3. Сочетание исторических и археологических материалов позволяет судить о характере данного вмещающего ландшафта в ту или иную эпоху, следовательно, о характере его изменений [67, с. 95; 68, с. 78].

Разумеется, здесь точность относительна, но допуск плюс-минус 50 лет при размытых границах не влияет на выводы и, следовательно, безвреден. Гораздо опаснее стремление к скрупулезности в прямом смысле слова. *Scrupulus* (лат.) – камешек, попадавший в сандалии и коловший ступни древ-

них римлян. Изучать расположение этих камешков в сандалиях они считали делом бессмысленным, полагая, что надо просто разуться и вытрясти обувь. Поэтому слово «скрупулезность» означало ненужный учет мелочей. Ныне это слово употребляется в смысле «сверхточный».

К сожалению, требование «скрупулезности» не всегда безобидно, в частности при сопоставлении природных явлений с историческими событиями, ибо законный допуск достигает 50–60 лет и не может быть уменьшен, так как искомая связь опосредствована системой хозяйства древних стран [подробнее: 71, 74, 85]. Система хозяйства, земледельческого, скотоводческого и даже охотничьего, имеет свою инерцию. Если, допустим, ее расшатает засуха, то ослабление основанного на ней государства произойдет лишь тогда, когда иссякнут запасы и постоянное недоедание (а не кратковременный голод) подорвет силы нарождающегося поколения. Вскрыть этот процесс можно только путем широкой интеграции рядов исторических событий, а никак не скрупулезного коррелирования природных и исторических явлений. Следует напомнить в связи с этим замечательные слова естествоиспытателя: «Вы никогда не узнаете, на что похожа мышь, если будете тщательно изучать ее отдельные клетки под микроскопом, так же как не поймете прелести готического собора, подвергая каждый его камень химическому анализу» [228. Цит. по: 145, с. 298]. Разумеется, рассматривая один или даже два факта в отрыве от прочих, мы оста-

емся в плену у древних авторов, умеющих с умом и талантом навязывать свои оценки читателю. Но если мы отслоим от источников прямую информацию и возьмем вместо двух фактов – две тысячи, то получим несколько причинно-следственных цепочек, коррелирующих не только между собой, но и с предложенной нами моделью. Это не простая функциональная зависимость, каковую искали в XVIII в. поборники географического детерминизма, например Ш. Монтескье. Здесь мы находим связь системную, ставшую основой науки о взаимоотношении человечества с природой.

Универсальность и специфичность отмеченного нами взаимодействия позволяют выделить его изучение в самостоятельную, пограничную область науки и, как сочетание истории с географией, назвать этнологией. Но здесь встает новый больной вопрос: можно ли найти осязаемое определение этноса?

Рамки

Что нам точно известно об этносах? Очень много и очень мало. Мы не имеем оснований утверждать, что этнос как явление имел место в нижнем палеолите. За высокими надбровными дугами внутри огромной черепной коробки неандертальца, видимо, гнездились мысли и чувства. Но о том, каковы они были, мы пока не имеем права даже догадываться, если хотим остаться на платформе научной достоверно-

сти. О людях эпохи верхнего палеолита мы знаем больше. Они великолепно умели охотиться, делали копья и дротики, одевались в одежду из звериных шкур и рисовали не хуже парижских импрессионистов. По-видимому, форма их коллективного бытия походила на те, которые известны нам, но это только предположение, на котором даже нельзя строить научную гипотезу. Не исключено, что в древние эпохи были какие-нибудь особенности, до нашего времени не сохранившиеся.

Зато народы позднего неолита и бронзы (III–II тысячелетие до н. э.) мы можем считать с большей долей вероятности подобными историческим. К сожалению, наши знания об этнических различиях в это время отрывочны и скудны настолько, что, базируясь на них, мы рискуем не отличить закономерности, которая нас в данный момент интересует, от локальных особенностей и, приняв частное за общее, впасть в ошибку.

Достоверный материал для анализа дает нам так называемая историческая эпоха, когда письменные источники освещают историю этносов и их взаимоотношений. Мы вправе, изучив этот раздел темы, применить полученные наблюдения к более ранним эпохам и, путем экстраполяции, восполнить пробелы наших знаний, возникающие на первой стадии изучения. Таким образом, мы избежим аберрации дальности, одной из наиболее частых ошибок исторической критики.

За верхнюю дату целесообразно принять начало XIX в., потому что для установления закономерности нам нужны только законченные процессы. Говорить о незаконченных процессах можно лишь в порядке прогнозирования, а для последнего нужно иметь в руках формулу закономерности, ту самую, которую мы ищем. Кроме того, при исследовании явлений XX в. возможна абберация близости, при которой явления теряют масштабность, как при абберации дальности. Поэтому мы ограничимся для постановки проблемы эпохой в 3 тыс. лет, с XII в. до н. э. по XIX в. н. э., или, для наглядности, от падения Трои до низложения Наполеона.

Для начала мы исследуем наш обильный материал путем синхронистической методики, основываясь на сопоставлении сведений, достоверность которых не вызывает сомнений. Новое, что мы собираемся внести, будет сочетание фактов в предлагаемом нами аспекте. Это необходимо, потому что калейдоскоп дат в различных хронологических таблицах не дает читателю никакого представления о том, что происходило с народами на протяжении их исторической жизни. Предлагаемая методика характерна не столько для гуманитарных, сколько для естественных наук, где установление связей между фактами на основании статистической вероятности и внутренней логики явлений считается единственным путем для построения эмпирического обобщения, которое столь же достоверно, как и наблюдаемый факт [47, с. 19]. Эмпирическое обобщение не является ни гипотезой, ни

популяризацией, хотя оно строится не на первичном материале (опыте, наблюдении, чтении первоисточника), а на уже собранных и проверенных фактах. Сведение материала в систему и построение концепции есть средняя стадия осмысления проблемы, предшествующая философскому обобщению. Для наших целей нужна именно эта средняя ступень.

Кажется, что чем подробнее и многочисленнее сведения, касающиеся того или иного предмета, тем легче составить о нем исчерпывающее представление. Но так ли это на самом деле? Скорее всего, нет. Излишние, слишком мелкие сведения, не меняющие картины в целом, создают то, что в кибернетике и системологии именуется «шумы», или «помехи». Однако для других целей бывают нужны именно нюансы настроений. Короче говоря, для уяснения природы явлений следует охватывать всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, а не сведения, имеющиеся в арсенале науки.

Но что считать «относящимся к вопросу»? Видимо, ответ в разных случаях будет различным. История человечества и биография замечательного человека – явления не равновеликие, и закономерности развития в обоих случаях будут разными, а между ними есть сколько угодно градаций. Дело осложняется тем, что любое историческое явление – война, издание закона, сооружение памятника архитектуры, создание княжества или республики и т. д. – следует рассматривать в нескольких степенях приближения, причем со-

поставление этих степеней дает, на первый взгляд, противоречивые результаты. Приведем пример из общеизвестной истории Европы. После Реформации возникла борьба между протестантской Унией и католической Лигой (приближение *a*). Следовательно, все протестанты Западной Европы должны были бы воевать против всех католиков. Однако католическая Франция была членом протестантской Унии, а протестантская Дания в 1643 г. ударила в тыл протестантской Швеции, т. е. политические интересы были поставлены выше идеологических (приближение *b*). Значит ли это, что первое утверждение было неверным? Отнюдь нет. Оно было только более обобщенным. Кроме того, в войсках обеих сторон сражались наемники, в подавляющем большинстве индифферентные к религии, но падкие на грабеж; значит, в следующем приближении (*c*) можно было бы охарактеризовать Тридцатилетнюю войну как разгул бандитизма, и это было бы в какой-то мере тоже правильно. Наконец, за религиозными лозунгами и золотыми диадемами королей скрывались реальные классовые интересы, не учитывать которые было бы неправильно (приближение *d*). К этому можно прибавить сепаратистские тенденции отдельных областей (приближение *e*), обнаруживаемые путем палеоэтнографии, и т. д.

Как видно из приведенного примера, система последовательных приближений – дело сложное даже при разборе одного локализованного эпизода. Тем не менее терять надежду

на успех не надо, ибо нам остается путь научной дедукции. Подобно тому как движение Земли является сложносоставным из многих закономерных движений (вращение вокруг оси, вращение вокруг Солнца, смещение полюса, перемещение со всей планетной системой по Галактике и многие другие), так и человечество, антропосфера, развиваясь, испытывает не одно, а ряд воздействий, изучаемых отдельными науками. Спонтанное движение, отраженное в общественном развитии, изучается историческим материализмом; физиология человека – область биологии; соотношение человека с ландшафтом – историческая география – находится в сфере географических наук; изучение войн, законов и учреждений – история политическая, а мнений и мыслей – история культуры; изучение языков – лингвистика, а творчества литературного – филология и т. д. Где же помещается наша проблема?

Начнем с того, что этнос (тот или иной), как, например, язык, явление не социальное, потому что он может существовать в нескольких формациях. Влияние спонтанного общественного развития на становление этносов экзогенно. Общественное развитие может оказать воздействие на формирование или разложение этносов только при условии своего воплощения в истории, как политической, так и культурной. Поэтому можно сказать, что проблема этногенеза лежит на грани исторической науки, там, где ее социальные аспекты плавно переходят в естественные.

Поскольку все явления этногенеза происходят на поверхности Земли в тех или иных географических условиях, то неизбежно возникает вопрос о роли ландшафта как фактора, представляющего экономические возможности естественно сложившимся человеческим коллективам – этносам [116, с. 412–416]. Но сочетания истории с географией для нашей проблемы недостаточно, потому что речь идет о живых организмах, которые, как известно, всегда находятся в состоянии либо эволюции, либо инволюции, либо мономорфизма (устойчивости внутри вида) и взаимодействуют с другими живыми организмами, образуя сообщества – геобиоценозы.

Таким образом, следует поместить нашу проблему на стыке трех наук: истории, географии (ландшафтоведения) и биологии (экологии и генетики). А коль скоро так, то можно дать второе приближение определения термина «этнос»: этнос – специфическая форма существования вида *Homo sapiens*, а этногенез – локальный вариант внутривидового формообразования, определяющийся сочетанием исторического и хормономического (ландшафтного) факторов.

Может показаться экстравагантным аспект, в котором одной из движущих сил развития человечества являются страсти и побуждения, но начало этому типу исследований положили Ч. Дарвин и Ф. Энгельс [143, т. 21, с. 176]. Следуя научной традиции, мы обращаем внимание на ту сторону человеческой деятельности, которая выпала из поля зрения большинства наших предшественников.

У историка без географии встречается «претыкание»

Зависимость человека от окружающей его природы, точнее – от географической среды, не оспаривалась никогда, хотя степень этой зависимости расценивалась различными учеными различно. Но в любом случае хозяйственная жизнь народов, населяющих и населявших Землю, тесно связана с ландшафтами и климатом населенных территорий. Подъем и упадок экономики древних эпох проследить довольно трудно, опять-таки из-за неполноценности информации, получаемой из первоисточников. Но есть индикатор – военная мощь. Что касается Нового времени, то это ни у кого не вызывает сомнений, однако уже две тысячи лет дело обстояло точно так же, и не только у оседлых народов, но и у кочевников. Для похода надо иметь не только сытых, сильных и неутомленных людей, способных натягивать тугой лук «до уха» (что позволяло метать стрелы на 700 м, тогда как при натягивании «до глаза» дальность полета стрелы – 350–400 м) и фехтовать тяжелым мечом или, что еще труднее, кривой саблей. Нужно было еще иметь коней, примерно по четыре-пять на человека, учитывая обоз или выюки. Требовался запас стрел, а изготовление их – дело трудоемкое. Нужны были запасы провианта, например для кочевников – отара овец, а следовательно, при ней пастухи. Нужна резерв-

ная стража для охраны женщин и детей... Короче говоря, война и тогда стоила денег, к тому же больших. Вести войну за счет врага можно только после первой, и немалой, победы, а для того чтобы ее одержать, требуется крепкий тыл, цветущее хозяйство, а соответственно, оптимальные природные условия.

О значении географических условий, например рельефа для военной истории, говорилось давно, даже, можно сказать, всегда. Достаточно напомнить несколько примеров из древней истории: битву при Тразименском озере Ганнибал выиграл, используя несколько глубоких долин, расположенных к берегу озера и дороге, по которой шли римские войска, под углом в 90° . Благодаря этой диспозиции он атаковал римское войско сразу в трех местах и выиграл битву. При Киноскефалах македонская фаланга на пересеченной местности рассыпалась, и римляне легко перебили тяжеловооруженных врагов, потерявших строй. Эти и подобные примеры всегда находились в поле зрения историков и дали повод И. Болдину сделать знаменитое замечание: «У историка, не имеющего в руках географии, встречается преткание» [32, т. 2, с. 20]. Однако останавливаться на такой ясной проблеме в XX в. нецелесообразно, потому что и история ныне ставит куда более глубокие задачи, чем раньше, да и география отошла от простого описания диковинок нашей планеты и обрела возможности, которые нашим предкам были недоступны.

Поэтому мы поставим вопрос иначе: не только *как влияет географическая среда на людей, но и в какой степени сами люди являются составной частью* той оболочки Земли, которая сейчас именуется биосферой [47]. На какие именно закономерности жизни человечества влияет географическая среда и на какие не влияет? Эта постановка вопроса требует анализа, т. е. искусственного расчленения проблемы для удобства исследования. Следовательно, она для понимания истории имеет лишь вспомогательное значение, так как цель нашей работы – синтез. Но, увы, как нельзя построить дом без фундамента, так невозможно дать обобщение без предварительного расчленения. Ограничимся минимумом. Говоря об истории человечества, мы обычно имеем в виду общественную форму движения истории, т. е. прогрессивное развитие человечества как целого по спирали. Это движение спонтанное и уже по одному этому не может быть функцией каких бы то ни было внешних причин. На эту сторону истории ни географические, ни биологические воздействия влиять не могут. Так на что же они влияют? На организмы, в том числе и людские. Этот вывод уже сделан в 1922 г. Л. С. Бергом для всех организмов, в том числе и людей: «Географический ландшафт воздействует на организм принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т. д. – все это накладывает особый отпеча-

ток на организмы. Те виды, которые в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой географический ландшафт или вымереть» [22, с. 180–181] А под «ландшафтом» понимается «участок земной поверхности, качественно отличный от других участков, окаймленный естественными границами и представляющий особую целостную и взаимно обусловленную закономерную совокупность предметов и явлений, которая типически выражена на значительном пространстве и неразрывно связана во всех отношениях с ландшафтной оболочкой» [116, с. 455]. В сочетании это можно назвать «месторазвитием» [181, с. 30–31]. Сформулированный здесь тезис Л. С. Берг назвал хорономическим (от греч. «*хорос*» – место) принципом эволюции, связав таким образом географию с биологией. В принятом нами аспекте к двум названным наукам прибавлена история, и тем не менее принцип остается неколебимым. Более того, он получил новое неожиданное подтверждение, и это обязывает нас продолжать рассмотрение закономерностей развития этноса, но уже с учетом динамического момента, появления новых этносов, т. е. этногенеза на базе характеристики фаз этногенеза. Однако это тема другой главы.

2. Природа и история

Сочетание природоведения и истории

В древности, когда мир представлялся человеку целостным, несмотря на видимое разнообразие, и взаимосвязанным вопреки кажущейся разобщенности, проблема сопряжения естествознания и истории не могла даже возникнуть. В анналы вносили все события, считавшиеся достойными увековечивания. Войны и потопаы, перевороты и эпидемии, рождение гения и полет кометы – все это считалось явлениями равноценными по значимости и интересу для потомков. Тогда в научной мысли господствовал принцип магии: «сходное порождает сходное», позволявший путем широких ассоциаций улавливать связи между явлениями природы и судьбами народов или отдельных людей. Этот принцип получил развитие в астрологии и мантике (науке о гадании), но с развитием отдельных наук, по мере накопления знаний, он был отброшен как несостоятельный и не оправдывающий себя при практическом применении.

В XVIII–XIX вв. благодаря дифференциации наук было накоплено огромное количество сведений, к началу XX в. ставшее необозримым. Образно говоря, могучая река Науки была пущена в ирригационные арыки. Животворная влага

оросила широкую территорию, но озеро, ранее ею питаемое, т. е. целостное мирозерцание, высохло. И вот осенний ветер вздымает донные отложения и засеивает соленой пылью разрыхленную землю полей. Скоро на месте степи, пусть сухой, но кормившей стада, возникнут солончаки, и биосфера уступит место косному веществу, конечно, не навсегда, но надолго. Ведь когда люди покинут обреченную землю, арыки заилятся, а река снова проложит русло и заполнит естественную впадину. Ветер заметет солончаки тонким слоем пресной пыли; на ней пробьется травка и упадет, не съеденная копытными. Через несколько веков на равнине образуется гумусный слой, а в озере – планктон; значит, придут травоядные, а водоплавающие птицы на лапках принесут в озеро рыбу икру... И жизнь опять восторжествует в своем многообразии.

Так и в науке: узкая специализация полезна лишь как средство накопления знаний: дифференциация дисциплин была этапом, необходимым и неизбежным, который станет губительным, если затянется надолго. Накопление сведений без систематизации их на предмет широкого обобщения – занятие довольно бессмысленное. И так ли уж ложны были принципы древней науки? Может быть, несостоятельность ее заключалась не в постулатах, а в неумелом их применении? Ведь есть же взаимодействие «истории природы и истории людей», которое можно уловить, используя сумму накопленных знаний и методику исследования, развивающую-

ся на наших глазах. Попытаемся же пойти по этому пути и сформулируем задачу так: может ли изучение истории принести пользу при интерпретации явлений природы?

Очевидно, что социальные и природные явления не идентичны, но имеют где-то точку соприкосновения. Ее-то и надо найти, потому что это не может быть антропосфера в целом. Даже если понимать антропосферу как биомассу, то необходимо отметить две стороны явления: а) *мозаичность*, ибо разные коллективы людей по-разному взаимодействуют с окружающей средой; если же учесть хорошо известную историю последних пяти тысяч лет, то это разнообразие и выяснение его причин окажутся ключом к поставленной проблеме; б) *многогранность* изучаемого предмета – человечества. Это надо понимать в том смысле, что каждый человек (или человечество в целом) является и физическим телом, и организмом, и верхним звеном какого-либо биоценоза, и членом общества, и представителем народности и т. п. В каждом из перечисленных примеров предмет (в данном случае человек) изучается соответствующей научной дисциплиной, что не отрицает других аспектов исследования. Для нашей проблемы важна именно этническая сторона человечества как целого.

Сделаем небольшой экскурс в гносеологию. Спросим себя: что доступно непосредственному наблюдению? Оказывается, это не предмет, а границы предметов. Мы видим воду моря, небо над землей, ибо они граничат с берегами, возду-

хом, горами.

Но пелагические рыбы могли бы догадаться о существовании воды только будучи выловлены и вытянуты на воздух. Так, мы знаем, что как категория время есть, но, не видя его границ, не имеем возможности дать времени общепринятое определение. И чем сильнее контраст, тем яснее для нас предметы, которых мы не видим, а додумываем, т. е. воображаем.

Историю как цепочки событий мы наблюдаем постоянно. Следовательно, история – это граница... к счастью, мы знаем чего – социальной формы движения материи и четырех природных. А раз так, то наряду с социосферой и порожденной ею техносферой есть некая живая сущность, находящаяся не только вокруг людей, но и в них самих. И эти стихии столь контрастны, что улавливаются человеческим сознанием без малейшего труда. Именно поэтому оказались ненужными, вернее, недостаточными гуманитарные концепции – они ставили вопрос о влиянии на исторический процесс или процессы географических, биологических, социальных или (в идеалистических системах) духовных факторов, а не о сопряжении тех и других, благодаря чему становятся доступны эмпирическому обобщению и сам процесс, и его составляющие. Предлагаемый здесь подход – не что иное, как анализ, т. е. «расчленение», необходимое для того, чтобы «распутать» неясные места в истории и потом перейти к синтезу, когда учитываются результаты разных методик исследо-

вания.

В историографии XIX в. взаимодействие социального с природным учитывалось не всегда [166, с. 227]. Но теперь динамика природных процессов изучена настолько, что сопоставимость их с историческими событиями очевидна. Биоценология показала, что человек входит в биоценоз ландшафта как верхнее завершающее звено, ибо он – крупный хищник и как таковой подвластен эволюции природы, что отнюдь не исключает наличия дополнительного момента – развития производительных сил, создающих техносферу, лишенную саморазвития и способную только разрушаться.

Формации и этносы

Впрочем, если мы просмотрим всю мировую историю, то заметим, что совпадения смены формаций и появления новых народов – всего лишь редкие исключения, тогда как в пределах одной формации постоянно возникают и развиваются этносы, очень не похожие друг на друга.

Возьмем для примера XII век, когда феодализм процветал от Атлантики до Тихого океана. Разве похожи были французские бароны на свободных крестьян Скандинавии, на рабов-воинов – мамлюков Египта, на буйное население русских вечевых городов, на нищих завоевателей полумира – монгольских нухуров или на китайских земле владельцев империи Сун? Единым у всех них был феодальный способ

производства, но в остальном между ними было мало общего. Отношение к природе не совпадает у земледельца и кочевника; восприимчивость к чужому или способность к культурным заимствованиям в Европе была выше, чем в Китае, равно как стремление к территориальным захватам, стимулировавшее крестовые походы; русское подсечное земледелие было проще и примитивнее виноградарства Сирии и Пелопоннеса, но при меньших затратах труда приносило баснословные урожаи; языки, религия, искусство, образование – все было непохоже, но в этом разнообразии не было беспорядка: каждый уклад жизни был достоянием определенного народа. Особенно это заметно по отношению к ландшафтам, в которых создавались и обитали этносы.

Но не нужно думать, что только природой определяется степень этнической оригинальности. Проходили века, и соотношения этносов менялись: одни из них исчезали, другие появлялись; и этот процесс в советской науке принято называть этногенезом. В единой мировой истории ритмы этногенеза сопряжены с пульсом социального развития, но сопряжение не означает совпадения, а тем более единства. Факторы процесса истории различны, и наша задача – анализ – заключается в том, чтобы выделить в нем феномены, непосредственно присущие этногенезу, и тем уяснить себе, что такое этнос и какова его роль в жизни человечества.

Для начала необходимо условиться о назначении терминов и границах исследования. Греческое слово «этнос» име-

ет в словаре много значений, из которых мы выбрали одно: «вид, порода», подразумевается – людей. Для нашей постановки темы не имеет смысла выделять такие понятия, как «племя» или «нация», потому что нас интересует тот член, который можно вынести за скобки, иными словами, то общее, что имеется и у англичан, и у масаев, и у древних греков, и у современных цыган. Это свойство вида *Homo sapiens* группироваться так, чтобы можно было противопоставить себя и «своих» (иногда близких, а часто довольно далеких) всему остальному миру. Противопоставление «мы – они» (*conditio sine qua non est*) характерно для всех эпох и стран: эллины и варвары, иудеи и необрезанные, китайцы (люди Срединного государства) и ху (варварская периферия, в том числе и русские), арабы-мусульмане во время первых халифов и «неверные»; европейцы-католики в Средние века (единство, называемое христианским миром) и нечестивые, в том числе греки и русские; «православные» (в ту же эпоху) и «нехристи», включая католиков; туареги и нетуареги, цыгане и все остальные и т. д. Явление такого противопоставления универсально, что указывает на глубокую его подоснову, но само по себе это лишь пена на многоводной реке, и сущность его нам предстоит вскрыть. Однако уже сделанного наблюдения достаточно, чтобы констатировать сложность эффекта, который можно назвать этническим (в смысле «породным») и который может стать аспектом для построения этнической истории человечества, по-

добно тому как построены социальная, культурная, политическая, религиозная и многие другие. Поэтому наша задача состоит прежде всего в том, чтобы уловить *принцип* процесса.

Связь этнической культуры с географией несомненна, но ею нельзя исчерпывать всю сложность взаимоотношений многообразных явлений природы с зигзагами истории этносов. И более того, тезис, согласно которому любой признак, положенный в основу классификации этносов, является адаптационным к конкретной среде, отражает только одну сторону процесса этногенеза. Еще Гегель писал, что «недопустимо указывать на климат Ионии как на причину творений Гомера» [52, с. 72]. Однако, сложившись в определенном регионе, где приспособление к ландшафту было максимальным, этнос при миграции сохраняет многие первоначальные черты, которые отличают его от этносов-аборигенов. Так, испанцы, переселившиеся в Мексику, не стали индейцами ацтеками или майя. Они создали для себя искусственный микроландшафт – города и укрепленные асьенды, сохранили свою культуру, как материальную, так и духовную, несмотря на то что влажные тропики Юкатана и полупустыни Анауака весьма отличались от Андалусии и Кастилии. И ведь отделение Мексики (Новой Испании, как она тогда называлась) от Испании в XIX в. было в значительной мере делом рук потомков индейских племен, принявших испанский язык и католичество, но поддержанных свободными

племенами команчей, бродивших к северу от Рио-Гранде.

Теперь сделаем первый вывод, который будет в дальнейшем изложении исходным. Мозаичная антропосфера, постоянно меняющаяся в историческом времени и взаимодействующая с ландшафтами планеты Земля, – не что иное, как *этносфера*. Поскольку человечество распространено по поверхности суши повсеместно, но неравномерно и взаимодействует с природной средой Земли всегда, но по-разному, целесообразно рассматривать его как одну из оболочек Земли, но с обязательной поправкой на этнические различия. Таким образом, мы вводим термин «этносфера». Этносфера, как и прочие географические явления, должна иметь свои закономерности развития, отличные от биологических и социальных. Этнические закономерности просматриваются в пространстве (этнография) и во времени (этногенез и палеогеография антропогенных ландшафтов).

Можно ли верить историческим источникам?

В. К. Яцунский, автор прекрасных обзоров географической мысли XV–XVIII вв., справедливо отмечает: «Историческая география изучает не географические представления людей прошлого, а конкретную географию прошлых веков» [219, с. 3]. Исходные данные для этого поиска, очевидно, следует искать в исторических сочинениях эпох минув-

ших. Но как? К сожалению, нет никаких указаний на возможную методику исследования. И вот почему.

Исторические материалы как источник для восстановления древних климатических условий применялись и применяются очень широко. В этом плане развивалась знаменитая полемика между Л. С. Бергом [23] и Г. Е. Грумм-Гржимайло [60] по вопросу об усыхании Центральной Азии в исторический период. Связанную с этим вопросом проблему колебания уровня Каспийского моря в I тыс. н. э. также пытались решить путем подбора цитат из сочинений древних авторов [10, 11, 24, 216]. Делались специальные подборки сведений из русских летописей, для того чтобы составить заключение об изменении климата Восточной Европы [28, 40]. Но итоги многочисленных и трудоемких исследований не оправдали ожиданий. Иногда сведения источников подтверждались, а иногда проверка другим путем их опровергала. Очевидно, что совпадение полученных данных с истиной было делом случая, а это говорит о несовершенстве методики. В самом деле, путь простых ссылок на свидетельства древнего или средневекового автора приведет к ложному или, в лучшем случае, неточному выводу. Так и должно быть. Летописцы упоминали о явлениях природы либо между прочим, либо исходя из представлений науки их времени, трактовали грозы, наводнения и засухи как предзнаменования или наказание за грехи. В обоих случаях явления природы описывались выборочно, когда они оказывались в поле зрения ав-

тора, а сколько их было опущено, мы даже догадаться не можем. Один автор обращал внимание на природу, а другой, в следующем веке, – нет, и может оказаться, что в сухое время дожди упомянуты чаще, чем во влажное. Историческая критика тут помочь не в состоянии, потому что по отношению к пропускам событий, не связанных причинно-следственной зависимостью, она бессильна.

Древние авторы всегда писали свои сочинения ради определенных целей и, как правило, преувеличивали значение интересовавших их событий. Степень же преувеличения или преуменьшения определить очень трудно и не всегда возможно [66, с. 59–62]. Так, Л. С. Берг на основании исторических сочинений сделал вывод, что превращение культурных земель в пустыни является следствием войн [23]. Ныне эта концепция принимается без критики, и в качестве примера чаще всего приводится находка П. К. Козлова – мертвый тангутский город Идзин-ай, известный под названием Хара-Хото [144, с. 56]. Этот момент является настолько показательным, что мы сосредоточим наше внимание на одной проблеме – географическом местоположении этого города и условиях его гибели.

Тангутское царство располагалось в Ордосе и Алашане, в тех местах, где ныне находятся песчаные пустыни. Казалось бы, это государство должно быть бедным и малолюдным, а на самом деле оно содержало армию в 150 тыс. всадников, имело университет, академию, школы, судопроизводство и

даже дефицитную торговлю, ибо оно больше ввозило, чем вывозило. Дефицит покрывался отчасти золотым песком из тибетских владений, а главное, выводом живого скота, который составлял богатство Тангутского царства [60].

Город, обнаруженный П. К. Козловым, расположен в низовьях Эцзин-гола, в местности, ныне безводной. Две старицы, окружающие его с востока и с запада, показывают, что вода там была, но река сместила русло к западу и ныне впадает двумя рукавами в озера: соленое – Гашун-нор и пресное – Сого-нор. П. К. Козлов описывает долину Сого-нор как прелестный оазис среди окружающей его пустыни, но вместе с тем отмечает, что большое население прокормиться тут не в состоянии. А ведь только цитадель города Идзин-ай представляет собой квадрат, сторона которого равна 400 м. Кругом же прослеживаются следы менее капитальных строений и фрагменты керамики, показывающие наличие слобод. Разрушение города часто приписывают монголам. Действительно, в 1227 г. Чингисхан взял тангутскую столицу, и монголы жестоко расправились с ее населением. Но город, открытый П. К. Козловым, продолжал жить еще в XIV в., о чем свидетельствуют даты многочисленных документов, найденных работниками возглавлявшейся им экспедиции. Кроме того, гибель города связана с изменением течения реки, которая, по народным преданиям торгоутов, была отведена осаждающими посредством плотины из мешков с землей. Плотина эта сохранилась до сих пор в виде вала. Так оно, видимо, и

было, но монголы тут ни при чем. В описаниях взятия города Урахая (*монг.*), или Хэчуйчена (*кит.*), нет таких сведений. Да это было бы просто невозможно, так как у монгольской конницы не было на вооружении необходимого шанцевого инструмента. Гибель города приписана монголам по дурной традиции, начавшейся еще в Средние века, приписывать им все плохое. На самом деле тангутский город погиб в 1372 г. Он был взят китайскими войсками минской династии, ведшей в то время войну с последними Чингисидами, и разорен как опорная точка монголов, угрожавших Китаю с запада [177, с. 244].

Но почему же тогда он не воскрес? Изменение течения реки не причина, так как город мог бы перекочевать на другой проток Эцзин-гола. И на этот вопрос можно найти ответ в книге П. К. Козлова. Со свойственной ему наблюдательностью он отмечает, что количество воды в Эцзин-голе сокращается, озеро Сого-нор мелеет и зарастает камышом. Некоторую роль здесь играет перемещение русла реки на запад, но одно это не может объяснить, почему страна в XIII в. кормила огромное население, а к началу XX в. превратилась в песчаную пустыню.

Итак, вина за запустение культурных земель Азии лежит не на монголах, а на изменении климата, явлении, описанном нами в специальных работах [69; 70].

Можно ли верить памятникам?

Но почему именно Чингису и его детям приписывалось опустошение Азии, в то время как другие события, гораздо большего масштаба, например разгром уйгуров кыргызами в 841–846 гг. или поголовное истребление калмыков маньчжурским императором Цянь Луном в 1756–1758 гг.⁴, остались вне поля зрения историков?

Ответ на этот вопрос нужно искать не в истории народов, а в историографии. Талантливые книги по истории пишутся нечасто, не по всякому поводу, и, кроме того, они не все дошли до нас. Эпоха XIV–XV вв. была на Ближнем Востоке эпохой расцвета литературы, а борьба с монгольским игом и в Персии и в России в этот период являлась самой актуальной проблемой, и поэтому ей посвящено множество сочинений, которые уцелели до нашего времени. Среди них были и талантливые, яркие труды, иные из которых мы знаем. Они вызывали подражание и повторения, что увеличивало общее количество работ по данному вопросу. Истребление же ойратов не нашло себе историка или он погиб в резне. Таким

---

⁴ Китайский император Цянь Лун произвел массовое истребление ойратов, причем маньчжуры охотились за женщинами, детьми и старцами, не давая пощады никому. Официальная китайская история ограничилась простой справкой: «Было убито более миллиона ойратов». Грандиозное событие потонуло в казенщине, и разве только оно одно?! Увы, история человечества известна нам с разной степенью подробности, а это равносильно тому, как если бы географ имел карту на одном планшете 1: 200 000, а на другом – 1: 100.

образом, оказалось, что события освещены неравномерно и значение их искажено, поскольку они представлены как бы в разных масштабах. Отсюда и возникла гипотеза, приписывающая воинам Чингисхана почти тотальное уничтожение населения завоеванных им стран и полное изменение их ландшафта, что отнюдь не соответствует истине. Следует отметить, что наибольшему усыханию подверглись не разрушенные войной страны, а Уйгурия, где войны вообще не было, и Джунгария, где уничтожать травянистые степи никто не собирался. Следовательно, историко-географические сведения источников ненадежны.

И наконец, есть соблазн считать миграциями грандиозные исторические события, например походы монголов XIII в. Ему поддались видные ученые Э. Хантингтон и Э. Брукс, но монгольские походы не были связаны с миграциями. Победы одерживали не скопища кочевников, а небольшие, прекрасно организованные мобильные отряды, после кампаний возвращающиеся в родные степи. Число выселявшихся было ничтожно даже для XIII в. Так, ханы ветви Джучидов – Батый, Орда и Шейбан получили по завещанию Чингиса всего 4 тыс. всадников, т. е. около 20 тыс. человек, которые расселились на территории от Карпат до Алтая. И наоборот, подлинная миграция калмыков XVII в. осталась не замеченной большинством историков вследствие того, что она не получила большого резонанса в трудах по всемирной истории. Следовательно, для решения поставленной пробле-

мы требуется более солидное знание истории, нежели то, которое легко почерпнуть из сводных работ, и знание географии более детальное, чем то, которым обычно ограничиваются историки или экономисты-сельскохозяйственники. И самое главное – необходимо отслоить достоверную информацию от субъективных восприятий, свойственных многим авторам письменных источников от Геродота до наших дней.

Достоверной информацией мы называем сведения источников, прошедшие через горнило исторической критики и получившие интерпретацию, не вызывающую сомнений. Их очень много, но подавляющая часть относится к политической истории. Мы хорошо знаем даты и подробности сражений, мирных договоров, дворцовых переворотов, великих открытий, но как употребить эти данные для объяснения явлений природы? Методика сопоставления фактов истории с изменениями природы начала разрабатываться только в XX в.

Историк климата Э. Леруа Ладюри отметил, что стремление свести подъемы и упадки хозяйства в разных странах Европы к периодам повышенного или пониженного увлажнения, похолодания или потепления основано на игнорировании экономики и социальных кризисов, роль которых не подлежит сомнению. Так, увеличение ввоза прибалтийского (т. е. русского) зерна в Средиземноморье и уменьшение поголовья овец в Испании в XVI и особенно XVII в. легче сопоставить с разрушениями, нанесенным европейским стра-

нам Реформацией и Контрреформацией, нежели с незначительными изменениями годовых температур [136, с. 14–15]. Он прав! Достаточно отметить, что не только Германия, на территории которой происходила опустошительная Тридцатилетняя война (1618–1648), но и страна, не подвергавшаяся опустошениям, – Испания в эти века имела отрицательный прирост населения: в 1600 г. – 8,0 млн, а в 1700 г. – 7,3 млн. Это объясняется просто тем, что большая часть молодых мужчин была мобилизована в Америку либо в Нидерланды, вследствие чего в стране не хватало рабочих рук для поддержания хозяйства и семьи.

«Что подумали бы об историке, который экономическое развитие Европы начиная с 1850 г. стал бы объяснять отступлением ледников, безусловно установленным для Альп...» – пишет Э. Леруа Ладюри, и не согласиться с ним невозможно. Следовательно, по мнению нашего автора, необходимо просто накапливать факты, тщательно и точно датированные и освобожденные от произвольных толкований. Иными словами, мы должны быть уверены, что объяснение интересующего нас фактора за счет экономических, социальных, этнографических факторов и просто случайностей исключено⁵. В географии нет точной методики опреде-

---

⁵ «Миграция отвечает исключительно сложным человеческим побуждениям и движущим силам. Голод возникает, когда создаются тяжелые условия для производства зерновых, и климатически дешифровать их никогда нельзя а priori, поскольку речь может идти... о метеорологических событиях, иногда кратковременных и незначительных в климатическом смысле» [136, с. 17].

ления абсолютных датировок. Ошибка в тысячу лет считается там вполне допустимой. Легко установить, например, что в таком-то районе наносы ила перекрыли слой суглинка, и, следовательно, отметить наличие обводнения, но невозможно сказать, когда оно произошло – 500 или 5 тыс. лет тому назад. Анализ пыльцы показывает наличие, например, сухолюбивых растений на том месте, где ныне растут влаголюбивые, но нет никакой гарантии, что заболачивание долины не произошло от смещения русла ближней реки, а вовсе не от перемен климата. В степях Монголии и Казахстана обнаружены остатки рощ, в отношении которых нельзя сказать, погибли ли они от усыхания или были вырублены людьми, а если даже будет доказано последнее, то все равно остается неизвестной эпоха расправы человека над ландшафтом.

Может быть, поможет археология? Памятники материальной культуры четко отмечают периоды расцвета и упадка народов и поддаются довольно четкой датировке. Вещи, находящиеся в земле, или старинные могилы не стремятся ввести исследователя в заблуждение или исказить факты. Но ведь вещи молчат, предоставляя полный простор воображению археолога. А наши современники тоже не прочь пофантазировать, и хотя их образ мысли весьма отличен от средневекового, нет никакой уверенности, что он намного ближе к действительности. В XX в. мы иногда встречаемся со слепой верой в могущество археологических раскопок, основанной на действительно удачных находках в Египте, Вавилонии,

Индии и даже в Горном Алтае, благодаря которым удалось открыть и исследовать позабытые страницы нашей истории. Но ведь это исключение, а по большей части археолог должен довольствоваться черепками, поднятыми из сухой пыли раскаленных степей, обломками костей в разграбленных могилах и остатками стен высотой в один отпечаток кирпича. А при этом еще надо помнить, что найденное – ничтожная часть пропавшего. В большинстве районов Земли не сохраняются почти все нестойкие материалы: дерево, мех, ткани, бумага (или заменявшая ее береста) и т. п. Никогда не известно, что именно пропало, а считать пропавшее несуществовавшим и не вводить на это поправки – ошибка, приводящая заведомо к неправильным выводам. Короче говоря, археология без истории может ввести исследователя в заблуждение. Попробуем подойти к решению проблемы иначе.

3. А есть ли этнос?

Признака для определения этноса нет

По предложенному нами определению формой существования вида *Homo sapiens* является коллектив особей, противопоставляющий себя всем другим коллективам. Он более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени, что и составляет проблему этногенеза.

Все такие коллективы более или менее разнятся между собой, иногда по языку, иногда по обычаям, иногда по системе идеологии, иногда по происхождению, но всегда по исторической судьбе. Следовательно, с одной стороны, этнос является производным от исторического процесса, а с другой – через производственную деятельность – хозяйство – связан с биоценозом того ландшафта, в котором он образовался. Впоследствии народность может изменить это соотношение, но при этом оно видоизменяется до неузнаваемости, и преемственность прослеживается лишь при помощи исторической методики и самой строгой критики источников, ибо слова обманчивы.

Прежде чем двигаться дальше, следует хотя бы условиться о понятии «этнос», которое еще не дефинировано. У нас нет ни одного реального признака для определения любого этноса как такового, хотя в мире не было и нет человеческой особи, которая была бы внеэтнична. Все перечисленные признаки определяют этнос «иногда», а совокупность их вообще ничего не определяет. Проверим этот тезис негативным методом.

В теории исторического материализма основой общества признается способ производства, реализующийся в общественно-экономических формациях. Именно потому, что здесь решающую роль играет саморазвитие, влияние экзогенных факторов, в том числе природных, не может быть основным в генезисе социального прогресса. Понятие «об-

щество» означает совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями материальной жизни. Главной силой в этой системе условий служит способ производства материальных благ. Люди объединяются в процессе производства, и результат этого объединения – общественные отношения, которые оформляются в одну из известных пяти формаций: первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую.

«Объединиться в этнос» нельзя, так как принадлежность к тому или другому этносу воспринимается самим субъектом непосредственно, а окружающими констатируется как факт, не подлежащий сомнению. Следовательно, в основе этнической диагностики лежит ощущение. Человек принадлежит к своему этносу с младенчества. Иногда возможна инкорпорация иноплеменников, но, применяемая в больших размерах, она разлагает этнос. Конкретно-исторические условия меняются на протяжении жизни этноса не раз, и наоборот, дивергенция этносов часто наблюдается при господстве одного способа производства. Исходя из мысли К. Маркса об историческом процессе как взаимодействии истории природы и истории людей [143, т. 3, с. 16], можно предложить первое, наиболее общее деление – на стимулы социальные, возникающие в техносфере, и стимулы природные, постоянно поступающие из географической среды [187, с. 58–60; 118, с. 94]. Каждый человек не только член того

или иного общества, находящегося в возрасте, определяемом воздействием гормонов. То же самое можно сказать про долгоживущие коллективы, которые в социальном аспекте образуют разнохарактерные классовые государства или племенные союзы (социальные организмы), а в природном – этносы (народности, нации). Несовпадение тех и других очевидно.

Этнос – не общество

Но существует и иная точка зрения, согласно которой «этнос... – социально-историческая категория, причем его генезис и развитие определяются не биологическими законами природы, а специфическими законами развития общества» [128, с. 9–10]. Как это понять? Согласно теории исторического материализма спонтанное развитие производительных сил вызывает изменение производственных отношений, что порождает диалектический процесс классовообразования, сменяющийся процессами классовоуничтожения. Это глобальное явление, свойственное общественной форме развития материи. Но при чем тут этногенез? Разве появление столь известных этносов, как французы или англичане, хронологически или территориально совпадает со становлением феодальной формации? Или эти этносы исчезли с ее крахом и переходом к капитализму? И ведь в той же Франции «социально-историческая» категория – Французское ко-

ролевство охватывало уже в XIV в., кроме французов, кельтов-бретонцев, басков, провансальцев и бургундов. Так разве они не были этносами? Не говорит ли этот факт, один из очень многих, о том, что дефиниция В. И. Козлова отличается односторонностью? А коль скоро так, то это повод для научного диспута.

Диалектический материализм разграничивает разные формы движения материи: механическую, физическую, химическую и биологическую, относя их к разделу природных. Общественная форма движения материи стоит особо в силу присущей ей специфики – она свойственна лишь человечеству со всеми его проявлениями. Каждый человек и коллектив людей с техникой и domestикатами (ручные животные и культурные растения) подвержен воздействию как общественной, так и природных форм движения материи, непрерывно коррелирующих во времени (история) и пространстве (география). При обобщении материала в единый доступный наблюдению и изучению комплекс (историческая география) мы обязаны рассматривать его в двух ракурсах – со стороны социальной и со стороны природной. В первом ракурсе мы увидим общественные организации: племенные союзы, государства, теократии, политические партии, философские школы и т. п.; во втором – этносы, т. е. коллективы людей, возникающие и рассыпающиеся за относительно короткое время, но имеющие в каждом случае оригинальную структуру, неповторимый стереотип поведения и своеобраз-

ный ритм, имеющий в пределе гомеостаз.

Как известно, классы – это социально-исторические категории. В доклассовом обществе их аналогом являются племенные или родовые союзы, например кланы у кельтов. В широком смысле понятие «социальная категория» может быть распространено на устойчивые институты, например государство, церковную организацию, полис (в Элладе) или феодал. Но каждому знающему историю известно, что подобные категории совпадают с границами этносов лишь в редчайших случаях, т. е. прямой связи тут нет. В самом деле, правомерно ли сказать, что в Москве живут рабочие, служащие и татары? С нашей точки зрения, это абсурд, но по логике В. И. Козлова получается только так. Значит, ошибка кроется в постулате. Но мало этого, экономика, всецело относящаяся к общественной форме движения материи, ломает национальные рамки. Казалось бы, при наличии общеевропейского рынка, однородной техники, схожести образования в разных странах и легкого изучения соседних языков в Европе XX в. этнические различия должны стираться. А на самом деле? Ирландцы уже отпали от Великобритании, не пожалев сил на изучение своего древнего и почти забытого языка. Претендуют на автономию Шотландия и Каталония, хотя за последние 300 лет они не считали себя угнетенными. В Бельгии фламандцы и валлоны, до сих пор жившие в согласии, начали бешеную борьбу, доходящую до уличных драк между студентами обоих этносов [130]. И поскольку в

древности тоже наблюдается лишь случайное совпадение общественно-политических и этнических пиков (или спадов), то очевидно, что мы наблюдаем интерференцию двух линий развития или, говоря языком математики, двух независимых переменных. Не заметить это можно только при очень сильном желании.

Язык

Попробуем раскрыть природу зримого проявления наличия этносов – противопоставления себя всем остальным: «мы» и «не мы». Что рождает и питает это противопоставление? Не единство языка, ибо есть много двуязычных и триязычных этносов и, наоборот, разных этносов, говорящих на одном языке. Так, французы говорят на четырех языках: французском, кельтском, баскском и провансальском, причем это не мешает их нынешнему этническому единству, несмотря на то что история объединения, точнее покорения Франции от Рейна до Пиренеев парижскими королями, – была долгой и кровавой. Вместе с тем мексиканцы, перуанцы, аргентинцы говорят по-испански, но они не испанцы. Недаром же пролились в начале XIX в. потоки крови лишь для того, чтобы разоренная войной Латинская Америка попала в руки торговых компаний Англии и США. Англичане Нортумберленда говорят на языке, близком норвежскому, потому что они потомки викингов, осевших в Англии, а ир-

ландцы до последнего времени знали только английский, но англичанами не стали. На арабском языке говорит несколько разных народов, а для многих узбеков родной язык – таджикский, и т. д. Кроме того, есть сословные языки, например французский – в Англии XII–XIII вв., греческий – в Парфии II–I вв. до н. э., арабский – в Персии с VII по XI в. и т. д. Поскольку целостность народности не нарушалась, надо сделать вывод, что дело не в языке.

Более того, часто языковое разнообразие находит практическое применение, причем эта практика сближает разноразличные народы. Например, во время американо-японской войны на Тихом океане японцы так научились расшифровывать американские радиопередачи, что американцы потеряли возможность передавать секретные сведения по радио. Но они нашли остроумный и неожиданный выход, обучив морзянке мобилизованных на военную службу индейцев. Апач передавал информацию навахау на атабасском языке, ассинибойн – сиусу – на дакотском, а тот, кто принимал, переводил текст на английский. Японцы раскрывали шифры, но перед открытыми текстами отступили в бессилии. Поскольку военная служба часто сближает людей, индейцы вернулись домой, обретя «бледнолицых» боевых товарищей. Но ведь и ассимиляции индейцев при этом не произошло, ибо командование ценило именно их этнические особенности, в том числе двуязычие. Итак, хотя в отдельных случаях язык может служить индикатором этнической общности, но не он

ее причина.

Заметим, что вепсы, удмурты, карелы, чувашаи до сих пор говорят дома на своих языках, а в школах учатся на русском и в дальнейшем, когда покинут свои деревни, практически от русских неотличимы. Знание родного языка им отнюдь не мешает.

Наконец, турки-османы! В XIII в. туркменский вождь Эртогрул, спасаясь от монголов, привел в Малую Азию около 500 всадников с семьями. Иконийский султан поселил прибывших на границе с Никоей, в Бруссе, для пограничной войны с «неверными» греками. При первых султанах в Бруссу стекались добровольцы – «гази» со всего Ближнего Востока ради добычи и земли для поселения. Они составили конницу – «спаги». Завоевание Болгарии и Македонии в XIV в. позволило турецким султанам организовать пехоту из христианских мальчиков, которых отрывали от семей, обучали исламу и военному делу и ставили на положение гвардии – «нового войска», янычар. В XV в. был создан флот, укомплектованный авантюристами всех берегов Средиземного моря. В XVI в. добавилась легкая конница – «акинджи» из завоеванных Диарбекра, Ирака и Курдистана. Дипломатами становились французские ренегаты, а финансистами и экономистами – греки, армяне и евреи. А жен эти люди покупали на невольничьих базарах. Там были польки, украинки, немки, итальянки, грузинки, гречанки, берберки, негритянки и т. д. Эти женщины в XVII–XVIII вв. оказывались мате-

рями и бабушками турецких воинов. Турки были этносом, но молодой солдат слушал команду по-турецки, беседовал с матерью по-польски, а с бабушкой по-итальянски, на базаре торговался по-гречески, стихи читал персидские, а молитвы – арабские. Но он был османом, ибо вел себя, как подобало осману, храброму и набожному воину ислама.

Эту этническую целостность развалили в XIX в. многочисленные европейские ренегаты и обучавшиеся в Париже младотурки. В XX в. Османская империя пала, а этнос рассыпался: люди вошли в состав других этносов. Новую Турцию подняли потомки сельджуков из глубин Малой Азии, а остатки османов доживали свой век в переулках Стамбула. Значит, 600 лет этнос османов объединяла не языковая, а религиозная общность.

Идеология и культура

Идеология и культура тоже иногда являются признаком, но необязательным. Например, византийцем мог быть только православный христианин, и все православные считались подданными константинопольского императора и «своими». Однако это нарушилось, как только крещеные болгары затеяли войну с греками, а принявшая православие Русь и не думала подчиняться Царьграду. Такой же принцип единомыслия был провозглашен халифами, преемниками Мухаммеда, и не выдержал соперничества с живой жизнью: внутри

единства ислама опять возникли этносы. Как мы уже поминали, иногда проповедь объединяет группу людей, которая становится этносом: например, турки-османы или сикхи в Северо-Западной Индии. Кстати говоря, в империи османов были мусульмане-сунниты, подвластные султану, но турками себя не считавшие, – арабы и крымские татары. Для последних не сыграла роли даже языковая близость к османам. Значит, и вероисповедание – не общий признак этнической диагностики.

Третий пример конфессионального самоутверждения этноса – сикхи, сектанты индийского происхождения. Установленная в Индии система каст считалась обязательной для всех индусов. Это была особая структура этноса. Быть индусом – значило быть членом касты, пусть даже самой низшей, из разряда неприкасаемых, а все прочие ставились ниже животных, в том числе захваченные в плен англичане. Политического единства не было, но стереотип поведения выдерживался твердо, даже слишком жестоко. Каждая каста имела право на определенный род занятий, и тех, кому разрешалась военная служба, было мало. Это дало возможность мусульманам-афганцам овладеть Индией и измываться над беззащитным населением, причем больше всего пострадали жители Пенджаба. В XVI в. там появилось учение, провозгласившее сначала непротивление злу, а потом поставившее целью войну с мусульманами. Система каст была аннулирована, чем сикхи (название адептов новой веры) отделили се-

бя от индусов. Они обособились от индийской целостности путем эндогамии, выработали свой стереотип поведения и установили структуру своей общины. По принятому нами принципу сикхов надо рассматривать как возникший этнос, противопоставивший себя индусам. Так воспринимают себя они сами. Религиозная концепция стала для них символом, а для нас индикатором этнической дивергенции.

Считать учение сикхов только доктриной нельзя, ибо если бы в Москве некто полностью воспринял эту религию, он не стал бы сикхом, и сикхи его не сочли бы «своим». Сикхи стали этносом на основе религии, монголы – на основе родства, швейцарцы – вследствие удачной войны с австрийскими феодалами, спаявшей население страны, где говорят на четырех языках. Этноты образуются разными способами, и наша задача в том, чтобы уловить общую закономерность.

Большинство крупных народов имеет несколько этнографических типов, составляющих гармоничную систему, но весьма разнящихся между собой как во времени, так и в социальной структуре. Сравним хотя бы Москву XVII в. с ее боярскими шапками и бородами, когда женщины пряли за слюдяными окнами, с Москвой XVIII в., когда вельможи в париках и камзолах вывозили своих жен на балы, с Москвой XIX в., когда бородатые студенты-нигилисты просвещали барышень из всех сословий, уже начавших смешиваться между собою, добавим сюда декадентов XX в. Сравнив их всех с нашей эпохой и зная, что это один и тот же этнос, мы

увидим, что без знания истории этнография ввела бы исследователя в заблуждение. И не менее показателен срез пространственный по одному, допустим, 1869 году. Поморы, петерские рабочие, староверы в Заволжье, сибирские золотоискатели, крестьяне лесных и крестьяне степных губерний, казаки донские и казаки уральские были внешне совсем не похожи друг на друга, но народного единства это не разрушало, а близость по быту, скажем, гребенских казаков с чеченцами их не объединяла.

Как ни странно, но предложенная точка зрения встретила активное сопротивление именно там, где должна была бы обрести понимание. Некоторые этнографы противопоставили автору свою точку зрения и на взаимоотношение этнографии с географией, и на историю вопроса, т. е. историографию [128, с. 3–13]. Не стремясь вступать в полемику, я тем не менее не могу игнорировать концепцию, претендующую (без достаточных оснований) на каноничность. Это было бы академически некорректно.

Становление этнографии как науки В. И. Козлову и В. В. Покшишевскому представляется так. До середины XIX в. география и этнография развивались слитно, а затем этнография разделилась на общественно-историческое и географическое направления. К первому причислены Л. Г. Морган, И. Я. Бахофен, Э. Тэйлор, Дж. Фрезер, Л. Я. Штеренберг, ко второму – Ф. Ратцель, Л. Д. Синицкий и А. А. Кубер, а также французская школа «географии

человека». В предлагаемой классификации есть существенный дефект, практически сводящий ее на нет. Представители «направлений» интересовались разными сюжетами и уделяли свое внимание разным темам. А коль скоро так, то и противопоставление их неоправданно. Ведь когда Ф. Ратцель пытался обосновать географичность этнографического районирования, он отнюдь не оспаривал концепции анимизма, симпатической магии или ритуального убийства жреца, т. е. предметов, которым посвятил Дж. Фрезер свою знаменитую «Золотую ветвь». Однако именно наличие многообразных интересов разносторонних ученых авторы приписывают отделение этнографии от географии и рождение ее заново как общественной науки. Тут налицо некоторая путаница, чреватая печальными последствиями. Любая наука развивается путем расширения диапазона исследований, а не простой сменой тематики. Следовательно, если к достижениям географической этнографии добавлены исторические аспекты – это прогресс науки, а если одни сюжеты заменены другими – то это топтание на месте, всегда крайне ущербное.

Это, очевидно, ясно самим ученым, посвятившим очередную пассаж географии населения, находящейся на стыке обеих наук, но не включающей в себя этническую географию. Разница, по их мнению, в том, что «для экономгеографов человек... важнейший субъект производства и потребления, для этнографов же... носитель определенных этни-

ческих особенностей (культурных, языковых и др.)» [128]. Здесь согласиться с авторами упомянутой статьи никак нельзя. Ну можно ли изучать эскимосов, не замечая их охоты на морского зверя, а ограничиваясь грамматическими формами глагола или представлениями о злобных духах моря и тундры? Или описывать индусов, не упоминая об их труде на рисовых полях, но подробно излагая теорию кармы и перевоплощения душ? Нет, характер трудовых процессов, потребление, войны, создание государства или падение его – такие же объекты этнографического исследования, как и свадебные обряды или ритуальные церемонии. А изучение народов в фазах их развития и в противопоставлении себя соседям немыслимо без учета географической среды.

Равным образом не следует подменять этнографию учением о «хозяйственно-культурных типах, характерных для народов, находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и живущих в сходных естественно-географических условиях (например, типы „арктических охотников на морского зверя“, „скотоводов сухих степей“ и т. п.)» [7]. Это направление плодотворно для экономгеографии, но никакого отношения к этнографии не имеет и иметь не может. Например, чукчи оленные (т. е. пастухи) и чукчи – охотники на морского зверя (чем они занимаются, когда у них пропадают олени) по предложенной классификации должны быть разнесены в разные разделы, хотя они – единый этнос. А разве русские крестьяне Подмос-

ковья, поморы и сибирские охотники на соболя – не один этнос? Да ведь примерам несть числа. Предложение В. И. Козлова сводится к упразднению этнографии и замене ее демографией с учетом занятий населения. Однако эта тема интереса у нас не будит.

Столь же неверно приравнивать этнос к биологическим таксономическим единицам: расе и популяции. Расы отличаются друг от друга физическими признаками, не имеющими существенного значения для жизнедеятельности человека [173, с. 325–329]. Популяция – это совокупность особей, населяющая определенную территорию, где они осуществляют свободное скрещивание, будучи отделены от соседних популяций той или иной степенью изоляции [197]. Этнос, по предложенному нами пониманию, – коллектив особей, имеющий неповторимую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения, причем обе составляющие динамичны. Следовательно, этнос – это элементарное явление, не сводимое ни к социологическому, ни к биологическому, ни к географическому явлениям.

Сведение этногенеза к «языково-культурным процессам» искажает действительность, умаляя степень сложности этнической истории, на что указал Ю. В. Бромлей, предложивший для прояснения вопроса ввести дополнительные термины: «этникос» и «эсо» (этносоциальная организация) [35, с. 61]⁶. Допускаю, что можно не удовлетвориться его решени-

---

⁶ И видимо, не случайно в том же журнале год спустя напечатано еще одно

ем, но полностью игнорировать его некорректно. В заключение проверим тезис В. И. Козлова путем последовательного его применения к явлениям общеизвестным. По логике его постулата люди, способные к изучению языков, должны принадлежать одновременно к нескольким этносам. Это нонсенс! Хотя есть много двуязычных и даже трехязычных этносов, на базе лингвистической квалификации они не сливаются. Ведь не стали же А. С. Пушкин и его друзья французами! И наоборот, мексиканцы и перуанцы говорят по-испански, исповедуют католичество, читают Сервантеса, но испанцами себя не считают. Больше того, они погубили миллион человеческих жизней в войне, которую называли «освободительной». А в это же время индейцы Верхнего Перу и пустыни Чако сражались за Испанию, с которой у них не было ничего общего ни в культуре, ни в экономике, ни в языке. Но это вполне понятно, если учесть, что врагами индейцев были не далекие испанцы, а местные жители – метисы, отчасти обыспанившиеся, но противопоставившие себя бывшим соплеменникам, так как они к началу XIX в. оформились в самостоятельные этносы. С позиций В. И. Козлова столь поздний этногенез необъясним.

филологическое исследование о термине «этнос», обосновавшее употребление его в том смысле, в каком оно фигурирует у Л. Н. Гумилева и у Ю. В. Бромлея [168].

Происхождение от одного предка

В древние времена это считалось обязательным для этноса. Часто в роли предка за отсутствием реальной фигуры выступал зверь, не всегда являвшийся тотемом. Для тюрков и римлян это была волчица-кормилица, для уйгуров – волк, оплодотворивший царевну, для тибетцев – обезьяна и самка ракшаса (лесного демона). Но чаще это был человек, облик которого легенда искажала до неузнаваемости. Авраам – праотец евреев, его сын Исмаил – предок арабов, Кадам – основатель Фив и зачинатель беотийцев и т. д.

Как ни странно, эти архаические воззрения не умерли, только на место персоны в наше время пытаются поставить какое-либо древнее племя – как предка ныне существующего этноса. Но это столь же неверно. Как нет человека, у которого были бы только отец или только мать, так нет этноса, который бы не произошел от разных предков. И не следует смешивать этносы с расами, что делается часто, но безосновательно. Основой для соблазна является предвзятое мнение, согласно которому процессы расогенеза, вероятно, развивались в определенных районах мира и были обусловлены спецификой природной среды этих районов [128, с. 10], т. е. климатом, флорой и фауной географических зон. Тут налицо недопустимая подмена объекта, т. е. первичная раса произвольно приравнена к этносу. Разберемся.

В эпоху верхнего палеолита, когда в Европе господствовали субарктические условия, при высокой аридности климата долину Роны заселяли негроиды расы Гримальди, а в тропических лесах Африки обитала койсанская раса, совмещающая монголоидные и негроидные черты. Эта раса древняя, генезис ее неясен, но оснований считать ее гибридной нет. Негроиды-банту вытеснили койсанцев на южную окраину Африки в эпоху вполне историческую – около I в. н. э., а позднее процесс продолжался вплоть до XIX в., когда бечуаны загнали бушменов в пустыню Калахари. Вместе с тем в Экваториальной Америке не возникло негроидности, хотя природные условия ее близки к африканским.

Аридную зону Евразии населяли европеоиды кроманьонского типа и монголоиды, но к схожести расовых признаков это не повело. В Тибете монголоидные боты соседнили с европеоидными дардами и памирцами, а в Гималаях – гуркхи с патанами. Но сходность природной среды на расовый облик не повлияла. Короче говоря, следует признать, что функциональная связь антропологических особенностей между различными популяциями и географическими условиями населяемых ими регионов не ясна. Более того, нет уверенности, что она вообще наличествует в природе, тем более что это мнение идет вразрез с достижениями современной палеоантропологии, строящей расовую классификацию не по широтным зонам, а по меридиональным регионам: атлантическому, к которому причислены европеоиды и африканские

негроиды, и тихоокеанскому, к которому отнесены монголоиды Восточной Азии и Америки [4]. Эта точка зрения исключает воздействие природных условий на расогенез, ибо обе группы формировались в разных климатических зонах.

Этносы, наоборот, всегда связаны с природным окружением благодаря активной хозяйственной деятельности. Последняя проявляется в двух направлениях: приспособлении себя к ландшафту и ландшафта к себе. Однако в обоих случаях мы сталкиваемся с этносом как с реально существующим явлением, хотя причина возникновения его ясна.

Да и не надо сводить все многообразие изучаемой темы к чему-либо одному. Лучше просто установить роль тех или иных факторов. Например, ландшафт определяет возможности этнического коллектива при его возникновении, а новорожденный этнос изменяет ландшафт применительно к своим требованиям. Такое взаимное приспособление возможно лишь тогда, когда возникающий этнос полон сил и ищет для них применения. А затем наступает привычка к создавшейся обстановке, которая для потомков становится близкой и дорогой. Отрицание этого неизбежно ведет к выводу, что у народов нет родины, понимаемой здесь как любимое всем сердцем сочетание ландшафтных элементов. Вряд ли кто-либо с этим согласится.

Уже одно это показывает, что этногенез – процесс не социальный, ибо спонтанное развитие социосферы лишь взаимодействует с природными явлениями, а не является их про-

дуктом.

Но именно тот факт, что этногенез – процесс, а непосредственно наблюдаемый этнос – фаза этногенеза и, следовательно, нестабильная система, исключает любые сопоставления этносов с антропологическими расами, а тем самым с любыми расовыми теориями. В самом деле, принцип антропологической классификации – сходство. А люди, составляющие этнос, разнообразны. В процессе этногенеза всегда участвуют два и более компонентов. Скрещивание разных этносов иногда дает новую устойчивую форму, а иногда ведет к вырождению. Так, из смеси славян, угров, алан и тюрок развилась великорусская народность, а образования, включавшие монголо-китайских и маньчжуро-китайских метисов, часто возникавшие вдоль линии Великой Китайской стены в последние две тысячи лет, оказались нестойкими и исчезли как самостоятельные этнические единицы.

В Средней Азии в VII в. жили согдийцы, а термин «таджик» еще в VIII в. значил «араб», т. е. воин халифа. Наср ибн Сейяр в 733 г., подавляя восстание согдийцев, был вынужден пополнять свои редевшие войска хорасанскими персами, уже принявшими ислам. Набрал он их много, и потому персидский язык стал господствовать в его арабской армии. После победы, когда мужчины-согдийцы были убиты, дети проданы в рабство, а красивые женщины и цветущие сады поделены между победителями, в Согдиане и Бухаре появилось персоязычное население, похожее на хорасанцев [73, с.

359–360]. Но в 1510 г. судьбы Ирана и Средней Азии разошлись. Ираном овладел тюрк Измаил Сефевиды, ревностный шиит, и обратил персов в шиизм. А Средняя Азия досталась узбекам-суннитам, и жившее там персоязычное население сохранило старое наименование «таджик», чему до падения бухарской династии Мангытов в 1918 г. никакого значения не придавалось. Когда же в бывшем Туркестанском крае были образованы Узбекская и Таджикская республики, то потомки хорасанских персов, завоевателей VIII в., жившие в Бухаре и Самарканде, при переписи записались узбеками, а потомки тюрков, завоевателей XI и XVI вв., жившие в Душанбе и Шахрисабзе, – таджиками. Оба языка они знали с детства, были мусульманами, и им было безразлично, как их запишут. За последние 40 лет положение изменилось: таджики и узбеки оформились в социалистические нации, но как рассматривать их до 20-х годов, когда религиозная принадлежность определяла этническую (мусульмане и кафиры), а родов у таджиков не было? И ведь оба этнических субстрата: тюрки и иранцы – были в Средней Азии «импортными» этносами тысячу лет назад – срок, достаточный для адаптации. Видимо, здесь действует определенная закономерность, которую надлежит вскрыть и описать. Но ясно, что общность происхождения не может быть индикатором для определения этноса, потому что это – миф, унаследованный нашим сознанием от примитивной науки первобытных времен.

Этнос как иллюзия

Но, может быть, «этнос» просто социальная категория, образующаяся при сложении того или иного общества [124, с. 56]? Тогда «этнос» – величина мнимая, а этнография – бессмысленное времяпрепровождение, так как проще изучать социальные условия. Данная точка зрения ошибочна, что становится очевидным, если спекуляции подменить наблюдениями натуральных процессов, доступными вдумчивому человеку. Поясним это на реальных примерах. Во Франции живут кельты-бретонцы и иберы-гасконцы. В лесах Вандеи и на склонах Пиренеев они одеваются в свои костюмы, говорят на своем языке и на своей родине четко отличают себя от французов. Но можно ли сказать про маршалов Франции Мюрата или Ланна, что они – баски, а не французы? Или про д'Артаньяна, исторического персонажа и героя романа Дюма? Можно ли не считать французами бретонского дворянина Шатобриана и Жилия де Ретца, соратника Жанны д'Арк? Разве ирландец Оскар Уайльд – не английский писатель? Знаменитый ориенталист Чокан Валиханов сам говорил о себе, что он считает себя в равной мере русским и казахом. Таким примерам несть числа, но все они указывают, что этническая принадлежность, обнаруживаемая в сознании людей, не есть продукт самого сознания. Очевидно, она отражает какую-то сторону природы человека, гораздо

более глубокою, внешнюю по отношению к сознанию и психологии, под которой мы понимаем форму высшей нервной деятельности. Ведь в других случаях этносы почему-то проявляют огромную сопротивляемость воздействиям окружения и не ассимилируются.

Цыгане вот уже тысячу лет как оторвались от своего общества и Индии, потеряли связь с родной землей и тем не менее не слились ни с испанцами, ни с французами, ни с чехами или монголами. Они не приняли феодальных институтов обществ Европы, оставшись иноплеменной группой во всех странах, куда бы они ни попадали. Ирокезы до сих пор живут маленькой этнической группой (их всего 20 тыс. человек), окруженные гипертрофированным капитализмом, но не принимают в «американском образе жизни» участия. В Монгольской Народной Республике живут тюркские этносы: сойоты (уранхайцы), казахи и другие, но, несмотря на сходство «материального и духовного развития общества», они не сливаются с монголами, составляя самостоятельные этносы. А ведь «уровень развития общества, состояние его производительных сил» одни и те же. И наоборот, французы выселились в Канаду в XVIII в. и до сих пор сохранили свое этническое лицо, хотя развитие их лесных поселков и промышленных городов Франции весьма различно. Евреи в Салониках живут эндогамной группой свыше 400 лет после своего изгнания из Испании, но, по данным 1918 г., они скорее похожи на арабов, чем на своих соседей – греков. Точно

так же немцы из Венгрии внешним обликом походят на своих соплеменников в Германии, а цыгане – на индусов. Отбор изменяет соотношение признаков медленно, а мутации, как известно, редки. Поэтому любой этнос, живущий в привычном для него ландшафте, находится почти в состоянии равновесия.

Не следует думать, что изменение условий существования не влияет на этносы никогда. Иной раз оно влияет настолько сильно, что образуются новые признаки и создаются новые этнические варианты, более или менее устойчивые. Нам надлежит разобраться в том, как проходят эти процессы и почему они дают разные результаты.

Известным советским исследователем С. А. Токаревым была выдвинута социологическая концепция, где вместо определения понятия этнической общности речь шла о «четырёх исторических типах народности в четырёх формациях: племя – в общинно-родовой – охватывает всю группу людей на данной территории, объединяя их кровно-родственными связями; демос – при рабовладельческой – только свободное население, не включая рабов; народность – при феодализме – все трудящееся население страны, не включая господствующий класс; нация – в капиталистической и социалистической – все слои населения, расколотого на антагонистические классы» [198, с. 52–53. См. также: 2, с. 30]. Приведенная выдержка показывает, что в понятие «этническая общность» вкладывалось совсем иное значение, кото-

рое, может быть, в чем-то и помогает, но лежит вне поля зрения исторической географии и вообще естественных наук. Поэтому спор с этой концепцией был бы неплодотворен, так как он свелся бы к тому, что называть этносом. А что толку спорить о словах?

Между Западом и Востоком

Пока мы знакомились с культурами Средиземноморья, мы находились в среде привычных понятий и оценок. Религия означала веру в Бога, государство – территорию с определенным порядком и властью, страны и озера находились на определенных местах.

Вот только привычные названия «Запад» и «Восток» вели себя не совсем географично: Марокко считалось «Востоком», а Венгрия и Польша – «Западом». Но к этой условности все успели привыкнуть, и путаницы понятий не возникало. Этому весьма способствовали изученность предмета, знакомого даже неспециалистам, благодаря чтению художественной литературы и наличию живой традиции.

Но как только мы пересечем горные перевалы, разделяющие Среднюю и Восточную Азию, мы попадем в мир иной системы отсчета. Здесь мы встретим религии, отрицающие существование не только божества, но и мира, окружающего нас. Порядки и социальные устройства будут противоречить принципам государства и власти. В безымянных стра-

нах мы найдем этносы без общности языка и экономики и даже иной раз территории, а реки и озера будут кочевать, как пастухи-скотоводы. Те племена, которые мы привыкли считать кочевыми, окажутся оседлыми, а сила войск не будет зависеть от их численности. Неизменными останутся только закономерности этногенеза.

Иной материал требует иного к себе подхода, а следовательно, иного масштаба исследования. В противном случае он останется непонятным, а книга станет ненужной для читателя. Читатель привык к европейским терминам. Он знает, что такое «король» или «граф», «канцлер» или «буржуазная коммуна». Но на востоке Ойкумены не было эквивалентных терминов. «Хаган» – не король или император, а выбранный пожизненно военный вождь, по совместительству выполняющий обряды почитания предков. Ну разве можно представить себе Ричарда Львиное Сердце, служащего заупокойную мессу по Генриху II, которого он довел до инфаркта? Да еще чтобы при этой мессе присутствовали представители гасконской и английской знати? Ведь это бред! А на востоке Великой степи он был бы обязан это сделать, иначе его бы тут же убили.

Такие наименования, как «китайцы» или «индусы», эквивалентны не «французам» или «немцам», а западноевропейцам в целом, ибо являются системами этносов, но объединенными на других принципах культуры: индусов связывала система каст, а китайцев – иероглифическая письменность

и гуманитарная образованность. Как только уроженец Индостана переходил в мусульманство, он переставал быть индусом, ибо для своих соотечественников он становился отщепенцем и попадал в разряд неприкасаемых. Согласно Конфуцию, китаец, живущий среди варваров, рассматривался как варвар. Зато иноземец, соблюдающий китайский этикет, котировался как китаец.

Для сравнения этносов Востока и Запада нам необходимо найти правильные соответствия, с равной ценой деления. Ради этого исследуем свойства этноса как природного явления, присущего всем странам и векам.

Для достижения поставленной цели необходимо очень внимательно относиться к древним традиционным сведениям о мире, не отвергая их заранее только потому, что они не соответствуют нашим современным представлениям. Мы постоянно забываем, что люди, жившие несколько тысяч лет назад, обладали таким же сознанием, способностями и стремлением к истине и знанию, как и наши современники. Об этом свидетельствуют трактаты, дошедшие до нас от разных народов разных времен. Вот почему этнология является практически необходимой дисциплиной, ведь без ее методики значительная часть культурного наследия древности остается для нас недоступной.

Для понимания истории и культуры Восточной Азии обычный подход не годится. При изучении истории Европы мы можем выделить разделы: история Франции, Германии,

Англии и т. д. или история древняя, средняя, новая. Затем, изучая историю, допустим, Рима, мы касаемся соседних народов лишь постольку, поскольку Рим с ними сталкивался. Для западных стран такой подход оправдывается полученными результатами, но при изучении Срединной Азии этим способом мы удовлетворительных результатов не получим. Причина этого глубока: она в том, что азиатские понятия термина «народ» и европейское его понимание различны. В самой Азии этническое единство воспринимается по-разному, и если даже мы отбросим Левант и Индию с Индокитаем, как не имеющие прямого отношения к нашей теме, то все же останутся три различных понимания: китайское, иранское и кочевническое. При этом последнее варьируется особенно сильно в зависимости от эпохи. В хуннское время оно не такое, как в уйгурское или монгольское.

В Европе этноним – понятие устойчивое, в Срединной Азии – более или менее текучее, в Китае – поглощающее, в Иране – исключаящее. Иными словами, в Китае, для того чтобы считаться китайцем, человек должен был воспринять основы китайской нравственности, образования и правил поведения; происхождение в расчет не принималось, язык тоже, так как и в древности китайцы говорили на разных языках. Поэтому ясно, что Китай неминуемо расширялся, поглощая мелкие народы и племена. В Иране, наоборот, персом нужно было родиться, но, сверх того, обязательно следовало почитать Агурамазду и ненавидеть Аримана.

Без этого нельзя было стать «арийцем». Средневековые (сасанидские) персы не мыслили даже возможности кого-либо включить в свои ряды, так как они называли себя «благородные» (номдорон), а прочих к их числу не относили. В результате численность народа падала неуклонно. О парфянском понимании судить трудно, но, по-видимому, оно не отличалось принципиально от персидского, только было несколько шире.

Чтобы считаться хунном, надо было стать членом рода либо с помощью брака, либо повелением шаньюя, тогда человек становился своим. Наследники хуннов, тюркюты, стали инкорпорировать целые племена. На базе восприятия возникли смешанные племенные союзы, например казахи, якуты и т. п. У монголов, вообще весьма близких к тюркам и хуннам, получила преобладание орда, т. е. группа людей, объединенных дисциплиной и руководством. Тут не требовалось ни происхождения, ни языка, ни вероисповедания, а только храбрость и готовность подчиняться. Ясно, что названия орд – не этнонимы, но при наличии орд этнонимы вообще пропадают, так как в них нет нужды – понятие «народ» совпадает с понятием «государство».

В связи с этим мы должны твердо запомнить, что понятие «государство» во всех перечисленных случаях различно и в переводе незаменимо. Китайское «го» изображается иероглифом: ограда и человек с копьем. Это отнюдь не соответствует английскому «state», или французскому «*é tat*»,

или даже латинскому «imperium» и «respublicae». Так же далеки по содержанию иранский «шахр» или вышеприведенный термин «орда». Нюансы различия оказываются подчас значительнее элементов сходства, а это определяет поведение участников истории: что кажется чудовищным европейцу, естественно для монгола, и наоборот. Причина не в разной этике, а в том, что предмет, в данном случае государство, не идентичен. Поэтому мы будем фиксировать не только сходство, но и разницу, чтобы не вгонять исследуемые нами народы в прокрустово ложе схемы.

Конечно, нас не может не огорчать весьма распространенное мнение, будто все государственные формы, общественные институты, этнические нормы и даже манеры изложения, не похожие на европейские, – просто отсталые, несовершенные и неполноценные. Банальный европоцентризм достаточен для обывательского восприятия, но не годен для научного осмысления разнообразия наблюдаемых явлений. Ведь с точки зрения китайца или араба, неполноценными кажутся западные европейцы. И это столь же неверно, а для науки бесперспективно. Очевидно, нам следует найти такую систему отсчета, при которой все наблюдения будут делаться с равной степенью точности. Только такой подход дает возможность сравнивать непохожие явления и тем самым делать достоверные выводы. Все перечисленные здесь условия исследования обязательны не только для истории, но и для географии, поскольку она связана с человеком и географи-

ческими названиями. На Западе страны различают по именам, а на Востоке?

Страна и народ без имени

Между восточной границей мусульманского мира и северо-западной окраиной Срединной империи, которую мы называем Китаем, лежит страна, которая не имеет определенного названия. Это тем более странно, что географические границы этой страны весьма четко обозначены, физико-климатические условия ее оригинальны и неповторимы, население же многочисленно и издавна причастно к культуре. Эта страна была прекрасно известна и китайским, и греческим, и арабским географам; ее посещали русские и западноевропейские путешественники; в ней неоднократно велись археологические раскопки... и все называли ее как-нибудь описательно, а самоназвания она не завела. Поэтому просто укажем, где страна находится.

От Памира на восток тянутся два горных хребта: Куньлунь, южнее которого расположен Тибет, и Тянь-Шань. Между этих хребтов лежит песчаная пустыня – Такла-Макан, прорезанная многоводной рекой Тарим. Эта река не имеет ни истока, ни устья. Началом ее считается «Арал» – т. е. «остров» между рукавами трех рек: Яркенддарьи, Аксударьи и Хотандарьи. Конец ее иногда теряется в песках, иногда доходит до озера Карабуранкель, а иногда наполняет

Лоб-нор – озеро, постоянно меняющее место [151, с. 185–190]. В этой странной стране реки и озера кочуют, а люди ютятся у горных подножий. С гор стекают пресные ручьи, но тут же исчезают под горами осыпей и выходят на поверхность на изрядном расстоянии от хребтов. Там располагаются оазисы, а потом реки снова теряются, на этот раз в песках. В этой экстрааридной стране расположена самая глубокая впадина, дно которой лежит на 154 м ниже уровня океана. В этой впадине находится древний культурный центр – Турфанский оазис. Как занимались науками и искусствами при летней жаре, доходящей до +48 °С, и зимних морозах до –37 °С, невероятной сухости осеннего воздуха и сильных весенних ветрах?! Но ведь занимались, и с немалыми успехами.

Древнее население этой страны не имело самоназвания. Ныне принято называть этих людей тохарами, но это не этноним, а тибетское прозвище *tha gar*, что значит «белая голова» (блондины). Жители разных оазисов говорили на различных языках индоевропейской группы, в числе которых был даже западноарийский, не похожий на известные в Европе. На юго-западе страны, у подножия Куньлуня, кочевали тибетские племена, находившиеся в тесном контакте с обитателями Хотана и Яркента, но не смешивавшиеся с ними [63, с. 55–57].

В первые века н. э. в эту страну проникли с запада сакки, поселившиеся южнее Кашгара до Хотана, китайские эми-

гранты, бежавшие от ужасов гражданских войн у себя дома. Китайцы устроили себе колонию в Турфанском оазисе – Гаочан. Она продержалась до IX в. и исчезла без следа.

Как видно, подобрать название для страны по этнониму невозможно, а ведь это было культурное население, наладившее хозяйство, которое следует считать лучшим в Древнем мире.

Природа оазисов Центральной Азии издавна была приведена в гармонию с потребностями человека. Турфанцы освоили иранскую систему подземного водоснабжения – кяризы, благодаря чему орошенная площадь кормила большое население. Урожай собирали два раза в год. Турфанский виноград по праву может считаться лучшим в мире: дыни, арбузы, абрикосы – с весны до поздней осени; посевы длиннолопчатника защищены от ветров пирамидальными тополями и шелковичными деревьями. А кругом каменная пустыня из обломков растрескавшихся скал, щебня и валунов, через которые не пробьется ни дерево, ни куст⁷. Это надежная защита оазиса от больших армий. Перебросить пешее войско через пустыню очень трудно, потому что надо везти с собой не только пищу, но и воду, что чрезмерно увеличивает обоз. А набеги легкой конницы кочевников не страшны крепостным стенам. Второй крупный центр этой страны – Карашар – лежит в горах около пресного озера Баграш-куль. Этот город «имеет земли тучные... изобилует ры-

---

⁷ Прекрасное описание природы этих мест см.: [151, с. 52–58].

бой... Хорошо укреплен самой природой и легко защищаться в нем» [29, с. 558]. Из Баграшкуля вытекает Кончедарья, питающая Лоб-нор. Вдоль ее берега можно, не страдая от жажды, добраться до многоводного Тарима, окаймленного зарослями тополей, тамариска, облепихи и высокого тростника, скрывающими стада благородных оленей и диких кабанов [152].

Древней идеологией оседлых жителей этой страны был буддизм в форме хинаяны («малой переправы» или «малой колесницы», т. е. наиболее ортодоксальное учение Будды без примесей), которую назвать религией нельзя. Бога хинаянисты отрицают, ставя на его место нравственный закон кармы (причинной последовательности). Будда – человек, достигший совершенства и являющийся примером для любого другого человека, желающего освободиться от страданий и перерождения путем достижения нирваны – состояния абсолютного покоя. Достичь нирваны может лишь целеустремленный человек – архат (святой), не зависящий ни от божественного милосердия, ни от посторонней помощи. «Будь светильником самому себе», – говорят хинаянисты.

Само собой разумеется, что «становление на путь совершенствования» – дело немногих. А что же делать прочим? Они просто занимались повседневными делами, уважали архатов, слушали в свободное время поучения и надеялись, что в будущих перерождениях сами смогут стать святыми подвижниками. Но ведь мы уже видели на других примерах,

как мало влияет догматика на этнический стереотип поведения. Архаты, купцы, воины и земледельцы Турфана, Карашара и Кучи составляли единую систему, для которой буддизм был только окраской.

Однако окраска предмета играет свою роль, подчас существенную. Хинаяническая община дожила до XV в., а махаяна – учение расплывчатое, разнохарактерное и сложное – в Яркенде и Хотане, очевидно, не случайно уступила место исламу уже в XI в.

Пришедшие в Турфан кочевые уйгуры исповедовали манихейство [подробнее см.: 76, с. 381–386] но, видимо, так же формально, как турфанцы – буддизм. Как самостоятельное исповедание манихейство исчезло еще до XII в., но манихейские идеи вошли в некоторые буддийские философские направления и в несторианство, которое в XI в. совершило по всей Центральной Азии победный марш. В эти века жители Турфана, Карашара и Кучи стали называть себя уйгурами.

Несториане в Уйгурии ужились с буддистами, несмотря на присущую им нетерпимость. Очевидно, христианство было желанным для людей религиозного склада, далеких от атеистических абстракций хинаяны. Христианами становились также купцы, ибо буддийское учение запрещает «ставшим на путь» прикосновение к золоту, серебру и женщине. Поэтому люди религиозные, но принимавшие активное участие в экономической жизни, были вынуждены искать такое вероучение, которое бы не препятствовало жить и работать. Сле-

довательно, можно сделать вывод, что для обеих идеологических систем нашлись подходящие экологические ниши.

Богатство этой страны базировалось главным образом на выгодном географическом расположении: через нее шли два караванных пути: один севернее, а другой – южнее Тянь-Шаня. По этим путям китайский шелк тек в Прованс, а предметы роскоши Франции и Византии – в Китай. В оазисах караванщики отдыхали от тяжелых переходов через пустыни и откармливали своих верблюдов и лошадей. В связи с этим у местных женщин весьма развилась «первая древнейшая профессия», а мужья разрешали женам эти заработки, часть из которых шла в их карманы. И уйгурки так к этому делу привыкли, что даже когда благодаря союзу с монголами Уйгунрия сказочно разбогатела, то жители ее просили монгольского хана Угэдэя не запрещать их женам развлекать путешественников [122, с. 81–82].

Этот обычай, правильнее сказать – элемент этнического стереотипа поведения, оказался более стойким, нежели язык, религия, политическое устройство и самоназвание. Стереотип поведения складывается как адаптивный признак, т. е. как способ приспособления этноса к географической среде. Имена же здесь менялись чаще, чем носившие их этносы, причем смена этнонимов объяснялась политической конъюнктурой.

Богатое и многочисленное население этих плодородных оазисов могло без труда прокормить воинственных кочевни-

ков, тем более что сначала уйгуры, а потом монголы приняли на себя защиту своих подданных от внешних врагов. За 300 лет уйгуры растворились среди аборигенов, но заставили их сменить тохарский язык на тюркский. Впрочем, это не стоило им усилий, потому что в XI в. на наречиях тюркского языка разговаривали все народы – от лазоревых волн Мраморного моря и лесистых склонов Карпат до джунглей Бенгалии и Великой Китайской стены. Столь широкое распространение тюркоязычия делало этот язык удобным для оазисов торговых операций, а жители обеих половин Средней Азии одинаково любили торговать. Поэтому смена родного, но малоупотребительного языка на общепонятный прошла без затруднений не только в северо-восточной части бассейна Тарима, но и в юго-западной, где роль уйгуров приняли на себя тюркские племена: ягма и карлуки. Однако разница между ними и уйгурами была огромна. Уйгуры не затронули ни быта, ни религии, ни культуры своих подданных, а карлуки, принявшие в 960 г. ислам, превратили оазисы Кашгар, Яркенд и Хотан в подобие Самарканда и Бухары.

Таким образом, географически монолитная область оказалась разделенной на два этнокультурных региона, отнюдь не дружелюбных по отношению друг к другу. Но силы были равны, а расстояния между оазисами – огромны и труднопроходимы. Поэтому положение стабилизировалось надолго.

Эта ситуация объясняет, почему страна осталась без еди-

ного наименования. В древности китайцы называли ее Си-юй, т. е. «Западный край», и концом ее считали «Луковые горы» – Памир и Алай. Эллины нарекли эту страну «Серика», а драгоценный товар, получаемый из нее, – «серикум» (шелк). Этимологию этого слова я не берусь объяснить.

В Новое время употреблялись также условные названия: Кашгария, Восточный Туркестан или Синьцзян, т. е. буквально «новая граница», установленная маньчжурами в XVIII в. Все эти названия для нашей эпохи не годятся. То, что для древних китайцев было «Западом», в XII–XIII вв. стало серединой. Называть «Туркестаном» страну, населенную индоевропейцами, научившимися понимать тюркскую речь, – нелепо. Кашгар еще не стал столицей, а «новая граница» не мерещилась даже на горизонте. Лучше уж оставим географическое условное наименование – бассейн Тарима. Река – надежный ориентир, во всяком случае нейтральный и долговечный. Кроме того, термин «Синьцзян» включает в себя Джунгарию (тоже условное и позднее название), расположенную севернее Тянь-Шаня и имевшую совсем другие исторические судьбы.

Восточную границу Уйгурии определить трудно. За истекшие века она менялась значительно, и многие из перемен не датированы. Можно думать, что уйгурам принадлежал оазис Хами и, может быть, пещерный город Дуньхуан – сокровищница буддийского искусства. Но более восточные земли – оазисы предгорий Наньшаня – у уйгуров отобрали тангу-

ты. Это народ, которого, как и уйгуров, ныне нет, хотя есть люди, называющие себя так. Но и это мираж. Называющие себя уйгурами – ферганские тюрки, выселившиеся на восток в XV–VIII вв. А те, кого приняли за тангутов, – кочевые тибетцы, реликтовый этнос, некогда злейшие враги тангутов.

Итак, историческая критика показала, что в Азии смысл названий и звучание их не всегда совпадают. Чтобы избежать досадных и, увы, частых ошибок, необходимо разработать такую систему отсчета, которая была бы действительна и для Европы, и для Азии, и для Америки, Океании, Африки и Австралии. Но в этой системе смысл предпочитается фонетике, т. е. в основе ее лежит не языкознание, а история.

«Этнос» – сочинение С. М. Широкогорова

Первая общая концепция этноса как явления самостоятельного, а не вторичного принадлежит С. М. Широкогороду [214]. Он счел этнос «формой, в которой происходит процесс созидания, развития и смерти элементов, дающих возможность человечеству как виду существовать» [214, с. 28]. При этом этнос определен «как группа людей, объединенных единством происхождения, обычаев, языка и уклада жизни» [214, с. 122]. Оба эти тезиса знаменуют состояние науки начала XX в. В аспекте географии признается «среда, к которой этнос приспособляется и которой подчиняется, становясь частью этой среды, ее производной». Эта концепция

была воскрешена В. Анучиным под названием «единой географии», но признания она не получила. Социальная структура рассматривается как биологическая категория – новая форма приспособления, развитие которой идет за счет этнического окружения: «Этнос получает импульсы изменений от своих соседей, поднимающих, так сказать, удельный вес его и сообщающих ему свойства сопротивляемости» [214, с. 124–126]. Здесь концепция С. М. Широкогорова перекликается со взглядом А. Тойнби о «вызове и ответе», где творческий акт трактуется как реакция на «вызов» среды [231].

Меньшее сопротивление вызывают «общие выводы» С. М. Широкогорова: «I. Развитие этноса происходит... по пути приспособления всего комплекса... причем наряду с усложнением некоторых явлений возможно упрощение других. II. Этноты сами приспособляются к среде и приспособляют ее к себе. III. Движение этносов протекает по линии наименьшего сопротивления» [214, с. 126–129]. Это теперь не ново. И в том, что взгляды Широкогорова за полвека устарели, нет ничего удивительного. Хуже другое – механическое перенесение зоологических закономерностей на историю, являющуюся для этнологии исходным материалом. Поэтому применение принципов Широкогорова сразу встречает непреодолимые затруднения. Например, тезис «для этноса любая форма существования приемлема, если она обеспечивает ему существование – цель его жизни, как вида» [214, с. 100] просто неверен. Индейцы Северной Аме-

рики и кочевники Джунгарии могли бы выжить под властью США или Китая ценой отказа от самобытности, но и те и другие предпочли неравную борьбу без надежды на успех. Не всякий этнос согласен на подчинение врагу – лишь бы выжить. Это ясно и без дополнительных аргументов. То, что «стремление к захвату территории, развитию культурности и количества населения есть основа движения каждого этноса» [там же] – неверно, ибо реликтовые этносы отнюдь не агрессивны. Заявление, что «выживают менее культурные этносы» [там же, с. 118] правильно только отчасти, так как в ряде случаев наблюдается их гибель перед лицом более культурного соседа, и уж совсем неприемлемо положение: «Чем сложнее организация и выше форма специального приспособления, тем короче бытие вида» (т. е. этноса) [214, 119]. Наоборот, исчезновение этносов связано с упрощением структуры, о чем пойдет речь ниже. И все-таки книга Широкогорова для своего времени была шагом вперед, ибо расширяла перспективу развития этнографии в этнологию. И то, что пишу я, вероятно, будет через полвека переосмыслено, но это и есть развитие науки.

В отличие от С. М. Широкогорова мы располагаем системным подходом, концепцией экосистем, учением о биосфере и энергии живого вещества (биохимической), а также материалом о возникновении антропогенных ландшафтов в глобальных масштабах. Все это дает возможность предложить более совершенное решение проблемы, нежели это бы-

ЛО ВОЗМОЖНО полвека назад.

«Состояния» и «процессы»

Совокупность приведенных фактов показывает, что система категорий, положенных в основу концепции формаций, принципиально не применима к этногенезу. Эта система фиксирует «состояния» общества, определяемые способом производства, который, в свою очередь, зависит от уровня производительных сил, иначе говоря – от техносферы. Эта система отсчета весьма удобна при изучении истории материальной культуры, государственных институтов, стилей в искусстве, философских школ, короче – всего, что было создано руками людей. За последнее столетие она стала настолько привычной, что ее стали механически переносить на анализ этногенеза, декларируя, например, такие тезисы: 1) «этнос – социальная общность людей» [127, с. 74], 2) «этнос, как и класс, – не социальная организация, а аморфное состояние, принимающее любую социальную форму – племена, союза племен, государства, церкви, партии и т. д., и не одну, а одновременно нескольких».

Кроме того, рекомендуется «не смешивать этнос с биологическими категориями, какими являются расы, и с различными видами социальной организации...» [15, с. 77]. Если первое определение сразу же разбивается о приведенные выше примеры, то второе заслуживает тщательного разбора,

так как на базе этого, пусть неосознанного мнения, строились и распадались империи, что, разумеется, отражалось на судьбах подчиненных им народов.

Понятие «состояние» имеет место и в природе, и в обществе. В природе состояний четыре: твердое, жидкое, газообразное и плазменное. Переход молекулы косного вещества из одного состояния в другое требует дополнительной затраты энергии, равной скрытой теплоте плавления или парообразования. Этот переход происходит небольшим рывком, причем процесс обратим. В живом веществе биосферы такой переход связан с гибелью организма и необратим. Это могло бы значить, что для организма есть только два состояния: жизнь и смерть, но поскольку смерть есть уничтожение организма как целостности, то называть этот момент перехода «состоянием» – нелепо. Что касается жизни организма, то это тоже не «состояние», а процесс: от рождения через зрелость и старость до смерти. Аналогом процесса жизни в косном веществе является кристаллизация минералов и последующая их метаморфизация в аморфные массы.

Исследуя «состояния» и «процессы», мы всегда применяем разную методику. Для «состояния» – классификацию, по любому произвольно принятому принципу, удобному для обозрения явления в целом. Для «процессов», особенно связанных с эволюцией или формообразованием, необходима систематика, основанная на иерархическом принципе – соподчинении сходных, хотя и не идентичных групп разно-

го ранга. Такова систематика Линнея, усовершенствованная Ч. Дарвином. Иерархический характер системы органического мира обусловлен ходом и характером эволюционных процессов, неотделимых от жизни и обязательных для нее. Но как только жизнь замирает, возникает «состояние», более или менее быстро разъедаемое воздействием среды, хотя бы последняя состояла из других мертвых «состояний», также подверженных необратимой деформации. Значит, для организма, в том числе человеческого, есть только один способ попасть в «состояние» – стать мумией, а для этноса – археологической культурой.

Иное дело – техносфера и связанные с ней производственные отношения. Здесь «состояния» есть. Из трактора легко сделать утиль, а из утиля – трактор. Надо только затратить некоторую (увы, немалую) энергию. Есть «состояния» и в социальной жизни. Ныне они именуются гражданскими состояниями и регистрируются загсом. Раньше их называли сословиями (*é tat*). В переносном смысле можно назвать «состоянием» классовую принадлежность, но надо помнить, что она – продукт производственных отношений и производительных сил, т. е. тоже техносферы. Это состояние крайне неустойчиво. Воин, попавший в плен, становился рабом, а сбежав, мог превратиться в феодала. Для иерархического принципа в судьбе такого человека нет ни места, ни надобности; здесь достаточно простой фиксации. Итак, смены социальных состояний подобны (хотя и не идентичны) сменам

природных состояний: они обратимы и требуют для перехода из одного в другое вложения дополнительной энергии. Но таков ли этнос? Можно ли, сделав усилие, сменить свою этническую принадлежность? Видимо, нет! Но уже одно это показывает, что этнос не «состояние» (тем более гражданское), а процесс.

Аберрация, питающая концепцию «состояния», связана с отсутствием у наблюдателя исторической перспективы. Полное затухание процесса этногенеза без посторонних нарушений укладывается в 1200–1500 лет, тогда как научный сотрудник посвящает плановой теме года два, от силы – три. Поэтому минувшее представляется ему калейдоскопом, без системы и закономерности, и он, зафиксировав несколько изменений в ограниченном регионе и одной эпохе, видит только скопище «состояний», не связанных друг с другом, а лишь совпадающих по месту и времени. Так, до появления геоморфологии люди не связывали наличие террас с эрозивной деятельностью текущих где-то внизу рек, а горы считали вечными, чуть ли не изначальными формами рельефа. Увы, все доказательства в науке действительны лишь при определенной степени эрудированности оппонента. Даже гелиоцентрическая система Коперника – Кеплера убедила лишь тех, кто в XVII в. достаточно знал астрономию, а открытие Г. Менделя было повторено Де Фризом.

Вторым аргументом против концепции «состояния» является размытость границ между этносами в зонах этниче-

ских контактов. Если гражданское (т. е. социальное) состояние может быть изменено сразу, например, пожалованием дворянства, разжалованием в солдаты, продажей в рабство, освобождением из неволи и т. п., то этнические контакты в долине Хуанхэ, Константинополе или Северной Америке – всегда процесс мучительный, долгий и весьма переменчивый в том смысле, что результаты метисации часто оказываются неожиданными и уж всегда неуправляемыми. Последнее объясняется главным образом отсутствием разработанной этнологической теории, которая позволила бы действовать не вслепую, а с учетом последствий этнических процессов.

Часть вторая

Свойства этноса, содержащая перечень особенностей этнического феномена как такового, составленный ради того, чтобы иметь возможность дать общее объяснение этногенезу, процессу, в коем возникают и исчезают этносы.

4. Этнос и этноним

Имена обманчивы

При изучении общих закономерностей этнологии прежде всего надлежит усвоить, что реальный этнос, с одной стороны, и этническое наименование (этноним), принятое его членами, – с другой, не адекватны друг другу⁸. Часто мы встречаем несколько разных этносов, носящих одно и то же имя, или, наоборот, один этнос может называться по-разному. Так, слово «римляне» (*romani*) первоначально означало граждан полиса Рима, но отнюдь не их соседей – италиков, и даже не латинов, обитавших в других городах Лациума.

---

⁸ Необходимость разбора этого тезиса обусловлена тем, что широко бытует мнение, будто этническое самосознание как один из социальных факторов определяет не только существование этноса, но и возникновение его. Самосознание проявляется в самоназвании [37, с. 121–123]. Следовательно, если будет доказано несовпадение того и другого, то вопрос об их функциональной связи отпадает.

В эпоху Римской империи I–II вв. количество римлян возросло за счет включения в их число всех италиков: этрусков, самнитов, лигуров, цизальпинских галлов и многих жителей провинций, отнюдь не латинского происхождения. После эдикта Каракаллы 212 г. «римлянами» были названы все свободные жители муниципий на территории Римской империи, в том числе греки, каппадокийцы, евреи, берберы, галлы, иллирийцы, германцы и др. Понятие «римлянин» как бы потеряло этническое значение, но этого на самом деле не было: оно просто его изменило. Общим моментом вместо единства происхождения и языка стало единство даже не культуры, а исторической судьбы. В таком виде этнос просуществовал три века – срок изрядный – и не распался. Напротив, он трансформировался в IV–V вв. вследствие принятия христианства как государственной религии, которая стала после первых трех Соборов определяющим признаком. Те, кто признавал оные Соборы, санкционированные государственной властью, был своим, римлянином, а кто не признавал – становился врагом. На этом принципе сформировался новый этнос, который мы условно называем «византийским». Однако надо помнить, что те, кого мы называем византийцами, сами себя называли «ромеями», т. е. «римлянами», хотя говорили по-гречески. Постепенно в число ромеев влилось множество славян, армян, сирийцев, но название «римлян» они удержали до 1453 г., т. е. до падения Константинополя. Ромеи считали «римлянами» именно себя, а

не население Италии, где феодалами стали лангобарды, горожанами – сирийские семиты, заселявшие в I–III вв. пустевшую Италию, а крестьянами – бывшие колонны из военнопленных всех народов, когда-либо побежденных римлянами Империи. Зато флорентийцы, генуэзцы, венецианцы и другие жители Италии считали «римлянами» себя, а не греков и на этом основании утверждали приоритет Рима, в котором от античного города оставались только руины.

Третья ветвь этнонима «римляне» возникла на Дунае, где после римского завоевания Дакии было место ссылки. Здесь отбывали наказание за восстания против римского господства фригийцы, каппадокийцы, фракийцы, галаты, сирийцы, греки, иллирийцы, короче говоря, все восточные подданные Римской империи. Чтобы понимать друг друга, они объяснялись на общеизвестном латинском языке. Когда римские легионы ушли из Дакии, потомки ссыльнопоселенцев остались и образовали этнос, который в XIX в. принял название «румыны», т. е. «римляне».

Если между «римлянами» эпохи Республики и «римскими гражданами» эпохи поздней Империи еще можно усматривать преемственность, хотя бы как постепенное расширение понятия, функционально связанного с распространением культуры, то у византийцев и римлян нет даже такой связи. Отсюда вытекает, что слово меняет смысл и содержание и не может служить опознавательным признаком этноса. Очевидно, надо учитывать еще и контекст, в котором это сло-

во несет смысловую нагрузку, а тем самым эпоху, потому что с течением времени значение слов меняется. Это еще более показательно при разборе этнонимов «тюрк», «татар» и «монгол» – пример, мимо которого нельзя пройти.

Примеры камуфляжа

В VI в. тюрками называли небольшой народ, обитавший на восточных склонах Алтая и Хангая. Путем нескольких удачных войн тюркам удалось подчинить себе все степи от Хингана до Азовского моря. Подданные Великого каганата, сохранив для внутреннего употребления собственные этнонимы, стали называться также тюрками, поскольку они подчинялись тюркскому хану. Когда арабы покорили Согдиану и столкнулись с кочевниками, то они их всех стали называть тюрками, в том числе угров-мадьяр. Европейские ученые в XVIII в. называли всех кочевников «les Tartars», а в XIX в., когда вошли в моду лингвистические классификации, присвоили название «тюрк» определенной группе языков. Таким образом, в разряд «тюрк» попали многие народы, которые в древности в их состав не входили, например якуты, чуваша и турки-османы.

Последние образовались на глазах историков путем смешения орды туркмен, пришедших в Малую Азию с Эртогрулом, газиев – добровольных борцов за ислам, в числе которых были курды, сельджуки, татары и черкесы; славянских

юношей, забираемых в янычары, греков, итальянцев, арабов, киприотов и т. п., поступавших на флот, ренегатов-французов и немцев, искавших карьеру и фортуна, и огромного количества грузинок, украинок и полек, продаваемых татарами на невольничьих базарах. Тюркским был только язык, потому что он был принят в армии. И эта мешанина в течение XV–XVI вв. слилась в монолитный народ, присвоивший себе название «турк» в память тех степных богатырей, которые 1000 лет назад стяжали себе славу на равнинах Центральной Азии и погибли, не оставив потомства [73]. Опять этноним отражает не истинное положение дел, а традиции и претензии.

Модификация же этнонима «татар» является примером прямого камуфляжа. До XII в. это было этническое название группы из 30 крупных родов, обитавших на берегах Керулэна. В XII в. эта народность усилилась, и китайские географы стали употреблять это название применительно ко всем центральноазиатским кочевникам: тюркоязычным, тунгусо-язычным и монголоязычным, в том числе монголам. Когда же Чингис в 1206 г. принял название «монгол» как официальное для своих подданных, то соседи по привычке некоторое время продолжали называть монголов татарами. В таком виде слово «татар», как синоним слова «монгол», попало в Восточную Европу и привилось в Поволжье, где местное население в знак лояльности к хану Золотой Орды стало называть себя татарами. Зато первоначальные носители это-

го имени – кeraиты, найманы, ойраты и татары стали именовать себя монголами [58]. Таким образом, названия поменялись местами. В это время и возникла научная терминология, когда татарский антропологический тип стали называть «монголоидным», а язык поволжских тюрок-кыпчаков – татарским языком. Иными словами, мы даже в науке употребляем заведомо закамуфлированную терминологию [158, с. 10–11].

Но дальше идет не просто путаница, но этнонимическая фантазмагория. Не все кочевые подданные Золотой Орды были лояльны по отношению к ее правительству. Мятежники, обитавшие в степях западнее Урала, стали именоваться ногаями [212, с. 47–52], а те, кто жил на восточной окраине улуса Джучиева, в Тарбагатае и на берегах Иртыша и благодаря отдаленности от столицы были практически независимы, стали предками казахов. Все эти три этноса возникли в XIV–XV вв. вследствие бурного смешивания разных этнических компонентов. Предками ногаев были уцелевшие от Батыева разгрома половцы, степные аланы, среднеазиатские турки, пришедшие в составе монгольской армии, и жители южной окраины Руси, перешедшие в ислам, ставший в то время символом этнической консолидации. В состав татар вошли камские булгары, хазары и буртасы, а также часть половцев и угры – мишари. Такой же смесью было население Белой Орды, из которого в XV в. сложились три казахских джуса. Но это еще не все.

В конце XV в. русские отряды с верховьев Волги начали нападать на средневожские татарские города, чем вынудили часть населения покинуть родину и уйти под предводительством Шейбанихана (1500–1510) в Среднюю Азию. Там их встретили как злейших врагов, ибо местные турки, носившие в то время название «чагатаи» (от имени второго сына Чингиса – Чагатая, главы среднеазиатского улуса), управлялись потомками Тимура, врага степных и поволжских татар, разорившего Поволжье в 1395–1396 гг.

Ордынцы, покинувшие родину, приняли для себя новое имя – «узбеки» в честь хана Узбека (1312–1341), установившего в Золотой Орде ислам как государственную религию. В XVI в. «узбеки» разгромили последнего Тимурида – Бабур, который увел остатки своих сторонников в Индию и завоевал там себе новое царство. Так вот, оставшиеся в Самарканде и в Фергане турки носят имя своих завоевателей – узбеков. Те же турки, но ушедшие в Индию, стали называться «монголами», в память того, что 300 лет назад они подчинились монгольскому царевичу. А подлинные монголы, осевшие в XIII в. в Восточном Иране, даже сохранившие свой язык, называются хэзарейцами, от персидского слова «хэзар» – тысяча (подразумевается боевая единица, дивизия).

А где же монголы, по имени которых названо «иго», тяготевшее над Русью 240 лет? Как этноса их не было, ибо всем детям Джучи на три орды по завещанию Чингиса до-

сталось 4 тыс. воинов, из коих только часть пришла с Дальнего Востока. Этих последних называли не «татары», а «хины», от китайского названия чжурчжэньской империи Кин (совр. Цзинь) [80, с. 311–313]. Это редкое название последний раз упомянуто в «Задонщине», где «хиновином» назван Мамай [ср. 178; 179, с. 28; 86]. Следовательно, «иго» было отнюдь не монгольским, а осуществлялось предками кочевых узбеков, коих не нужно путать с оседлыми узбеками, хотя в XIX в. они смешались, а ныне составляют единый этнос, равно чтущий Тимуридов и Шейбанидов, бывших в XVI в. злейшими врагами, потому что эта вражда потеряла смысл и значение уже в XVII в.

Бессилие филологии в истории

Название или даже самоназвание и феномен этноса как устойчивого коллектива особой вида *Homo sapiens* отнюдь не перекрывают друг друга. Поэтому филологическая методика, исследующая слова, в этнологии неприменима, а нам надлежит обратиться к истории, дабы проверить, насколько эта дисциплина может помочь при постановке нашей проблемы. Но и тут мы наталкиваемся на неожиданные трудности. Единицей исследования, которой пользуется историческая наука, является общественный институт, коим может быть государство, племенной союз, религиозная секта, торговая компания (например, Ост-Индская), политическая партия и

т. д., словом, любое учреждение в любых веках и у любых народов. Иногда институт государства и этнос совпадают, и тогда мы наблюдаем в ряде случаев нации современного типа. Но это случай, характерный для XIX–XX вв., а в древности такие совпадения были редки. Случается, что религиозная секта объединяет единомышленников, которые, как, например, сикхи в Индии, сливаются в этнос, и тогда происхождение особей, инкорпорированных общиной, не принимается во внимание. Но часто такие общины неустойчивы и распадаются на этносы, как это было с мусульманской общиной, основанной Мухаммедом в VII в. Если при первых четырех халифах в странах ислама шел процесс слияния арабских племен, сирийцев и частично персов в единый этнос, то уже при Омейядах (661–750) этот процесс остановился, а при Аббасадах потомки завоевателей и покоренных стали слагаться в новые этносы с единой межэтнической культурой, условно именуемой «мусульманской», с арабским языком, осознанием своего единства при сопоставлении с христианами и язычниками, но с различными историческими судьбами и разными стереотипами поведения, что выразилось в создании разнообразных сект и идеологических концепций.

Казалось бы, эмираты и султанаты, возникавшие вследствие обособления этносов, должны были бы соответствовать этническим границам, но этого не было. Удачливые полководцы подчиняли себе на короткое время территории

с разноязычным населением, а затем становились жертвой соседей, т. е. политические образования имели иные судьбы, нежели этнические целостности. Конечно, общность исторической судьбы способствует образованию и сохранению этноса, но и историческая судьба⁹ может быть одной у двух-трех народностей и разной – в пределах одной народности. Например, англосаксы и уэльские кельты государственно объединены в XIII в., однако они не слились в единый этнос, что, впрочем, не мешает им жить в мире, а у армян восточных, подчиненных еще в III в. Ирану, и западных, связанных с этого же времени с Византией, судьбы были различны, но этническое единство не нарушалось. В XVI–XVII вв. французские гугеноты и католики весьма различались по своим историческим судьбам, да и по характеру культуры, как до издания Нантского эдикта, так и после отмены его. Однако этническая целостность Франции оставалась неизменной, несмотря на кровопролитные войны и драгонады. Следовательно, становление этносов – этногенез лежит глубже, чем видимые исторические процессы, фиксируемые источниками. История может помочь этнологии, но не заменяет ее.

---

⁹ Исторической судьбой мы называем цепочки событий, каузально связанные их внутренней логикой.

5. Мозаичность как свойство этноса

Обойтись без родового строя можно

Многие этносы делятся на племена и роды. Можно ли считать это деление обязательной принадлежностью этноса или хотя бы первичной стадией его образования или, наконец, формой коллектива, предшествовавшей появлению самого этноса? [115, с. 50.] Имеющийся в нашем распоряжении достоверный материал позволяет ответить – нет!

Прежде всего, далеко не все современные народы имеют или имели когда-либо за время своего существования родовое или племенное деление. Такого не было и нет у испанцев, французов, итальянцев, румын, англичан, турок-османов, великорусов, украинцев, сикхов, греков (не эллинов) и многих других. Зато клановая, или родовая, система существует у кельтов, казахов, монголов, тунгусов, арабов, курдов и ряда других народов.

Считать клановую систему более ранней стадией трудно, так как византийцы или сасанидские персы – народы, образовавшиеся на 1000 лет раньше, чем монголы, и на 1200 лет раньше, чем казахи, великолепно обходились без родов и фратрий. Конечно, можно предположить, что в древности система родов была повсеместной, но даже если это так, то к

историческому периоду, когда народы (этноты) возникали на глазах историка, такое допущение неприменимо. Правильнее всего признать, что схема «род – племя – народ – нация» относится к общественному развитию, т. е. лежит в другой плоскости. То, что господствующими во всем человечестве формами общежития за время существования *Homo sapiens* были разные формы семьи, не имеет непосредственного отношения к проблеме, так как этническая целостность не совпадает ни с семейной ячейкой, ни с уровнем производства и культуры. Поэтому в нашем исследовании мы должны искать другие критерии и другие опознавательные признаки.

Вместе с тем необходимо отметить, что у народов с родо-племенным устройством деление на кланы (у кельтов), фратрии, кости («сеок» у алтайцев) и племенные объединения («джус» у казахов) и т. п. конструктивно. Эти внутриэтнические единицы необходимы для поддержания самого этнического единства. Путем разделения на группы регулируются отношения как отдельных особей к этносу в целом, так и родовых или семейных коллективов между собой. Только благодаря такому разделению сохраняется экзогамия, предотвращающая кровосмесительные браки. Представители родов выражают волю своих соплеменников на народных собраниях и создают устойчивые союзы для ведения внешних войн, как оборонительных, так и наступательных. В Шотландии, например, клановая система выдержала набеги викингов X в., нападения феодалов в XII–XV вв.,

войну с английской буржуазией в XVII–XVIII вв., и только капиталистические отношения смогли ее разрушить. А там, где клановая система была менее выражена, например у полабских славян, немецкие и датские рыцари расправились с нею за два века (XI–XII вв.), несмотря на бесспорную воинственность и завидное мужество бодричей, лютичей и жителей острова Руги. Деление этноса на племена несет функцию скелета, на который можно наращивать мышцы и тем самым набирать силу для борьбы с окружающей средой.

Попробуем предложить иную систему отсчета, годную не для части, а для всей совокупности наблюдаемых коллизий.

Чем заменяют родовой строй

Чем компенсируется отсутствие родо-племенных групп у народов вполне развитых, находящихся на стадии классового общества? Наличие классовой структуры и классовая борьба в рабовладельческом, феодальном и капиталистическом обществе – факты, установленные и не подлежащие пересмотру. Следовательно, деление на классы функционально не может быть аналогичным делению на племена. И действительно, параллельно делению общества на классы мы обнаруживаем деление этносов на группы, отнюдь не совпадающие с классовыми. Условно их можно назвать «корпорациями», но это слово соответствует понятию лишь в первом приближении и будет впоследствии заменено.

Например, в феодальной Европе внутри одного этноса, скажем французского, господствующий класс состоял из разных корпораций: 1) феодалов в прямом смысле слова, т. е. держателей ленов, связанных с короной вассальной присягой; 2) рыцарей, объединенных в ордена; 3) нотаблей, составляющих аппарат королевской власти (*Nobless des robes*); 4) высшего духовенства; 5) ученых, например профессоров Сорбонны; 6) городского патрициата, который сам делится по территориальному признаку, и т. д. Можно, в зависимости от принятой степени приближения, выделить больше или меньше групп, но при этом надо обязательно учитывать еще принадлежность к партиям, например арманьякской и бургундской в начале XV в.

Иногда у читателей возникает соблазн отождествить указанные группы с сословиями, понимая под последними социальные группы. Но надо быть точным: социальные подразделения – это классы, а сословия – подразделения административные, так как они в Средние века «не приобретали... особого значения в политическом мире, а обозначали самих себя» [143, т. 1, с. 313].

Те же группы, которые описаны здесь, даже не сословия в полном смысле слова, а общины, являющиеся «предпосылками производства» [143, т. 13, с. 20]. Как варианты профессиональных общин могут фигурировать и родовые общины – разросшиеся семьи [там же, с. 37]. Поэтому К. Маркс называл историю Средневековья зоологической, отмечая, что

«корпорации» этого типа пополнялись бастардами, не имевшими никаких прав по закону, но добивавшимися их энергией и семейными связями [18, т. IV, с. 356 и след.]. Особенно крупную роль играли бастарды после Столетней войны. Так, бастард Дюнуа считался первым рыцарем Франции и был графом.

По отношению же к народным массам такое разделение применимо в еще большей степени, так как каждая феодальная провинция носила тогда ярко выраженный индивидуальный характер. Например, руанцы в XII в. проявили вражду к Филиппу II Августу, освободившему их от англичан, а марсельцы, узнав о пленении Людовика IX в Египте, пели «Те Деум», надеясь избавиться от «сиров» [201, с. 214]. В буржуазном обществе мы наблюдаем уже не те корпорации, но принцип остается неизменным. Внутри этносов и помимо классов есть для каждой особи люди «своего» и «не своего» круга. Но по отношению к иноземным экспансиям все эти группы выступали как единое целое – французы.

То, что «корпорации», как мы их назвали условно, неизмеримо менее стойки и длительны, чем родо-племенные группировки, бесспорно, но ведь и последние не вечны. Значит, разница между теми и другими не принципиальна. Сходство же в том, что они несут одинаковую нагрузку, поддерживая единство этноса путем внутреннего разделения функций (см.: с. 76).

И самое важное и любопытное – это то, что при своем воз-

никновении «корпорации» отличаются друг от друга лишь нюансами психологии, но со временем различия углубляются и кристаллизуются, переходя в обычаи и обряды, т. е. в явления, изучаемые этнографами. Например, старославянский поцелуйный обряд трансформировался в России и Польше в целование руки замужним дамам и сохранился у помещного дворянства, но исчез из быта других сословий.

А. М. Горький, наблюдавший в крупных городах Поволжья быт мещан и интеллигентов-разночинцев, констатирует такие глубокие различия, что предлагает рассматривать эти недавно сложившиеся группы населения, как «разные племена» [54]. В том смысле, в котором он употребляет это понятие (имея в виду различия в быте, нравах, представлениях), он прав, и наблюдение его плодотворно. В наше время эти различия почти стерлись. Они были характерны для короткого периода – около 80 лет, но мы уже говорили, что продолжительность явления не влияет на принципиальную сторону дела.

Образование субэтнических групп

Понятие «корпорация» в предложенном понимании наглядно, но для нашего анализа недостаточно, так как предполагает, что данная единица не только складывается из этнографических особенностей, но и ограничена социальными перегородками от других «корпораций». Часто субэтнические

подразделения не совпадают с общественными. Это показывает, что приведенный пример – частный случай искомого общего правила.

Продолжим наш пример этногенеза французов. В XVI в. Реформация коснулась этого народа и перетасовала все бывшие там «корпорации» до неузнаваемости. Феодальная аристократия, мелкое дворянство, буржуазия и крестьянство оказались расколоты на «папистов» и «гугенотов». Социальные основы обеих групп не различались, но этнотерриториальные подразделения просматриваются отчетливо. Кальвинизм имел успех среди кельтов низовий Луары, и торговая Ла-Рошель стала опорой реформатов. Гасконские сеньоры и короли Наварры приняли кальвинизм. Потомки бургундов, крестьяне Севенн и наследники альбигойцев – буржуа Лангедока примкнули к движению. Но Париж, Лотарингия и Центральная Франция остались верны Римской церкви. Все бывшие «корпорации» исчезли, так как принадлежность к «общине» или «церкви» на два века стала индикатором принадлежности к той или иной субэтнической целостности.

И нельзя сказать, что решающую роль играла здесь теология. Большая часть французов были «политиками», т. е. отказывались интересоваться спорами Сорбонны и Женевы. Безграмотные гасконские бароны, полудикие севеннские горцы, удалые корсары Ла-Рошели или ремесленники предместий Парижа и Анжера отнюдь не разбирались в тонкостях трактовки Предопределения или Пресуществления. Если же

они отдавали жизнь за мессу или Библию, значит, то и другое оказалось символом их самоутверждения и противопоставления друг другу, а тем самым – индикатором глубинных противоречий. Эти противоречия не были классовыми, так как на обеих сторонах сражались дворяне, крестьяне и буржуазия. Но католики и гугеноты действительно различались по стереотипу поведения, а это, как мы условились вначале, – основной принцип этнической обособленности, для которой было достаточно оснований.

Ну а если бы гугеноты отстаивали для себя кусок территории и создали там самостоятельное государство, как, скажем, швейцарцы или североамериканцы? Вероятно, их следовало бы рассматривать как особый этнос, возникший вследствие зигзага исторической судьбы, потому что у них были бы особый быт, культура, психический склад и, может быть, язык, ибо вряд ли они стали бы объясняться на парижском диалекте, а скорее выбрали бы один из местных диалектов. Это был бы процесс, аналогичный отделению американцев от англичан.

Шотландцы – безусловно, этнос, однако они состоят из гайлендеров (горцев) – кельтов, и лоулендеров (жителей долины реки Твид). Происхождение у них разное. Древнее население – каледоняне, украшавшееся татуировкой (пикты), – отразило натиск римлян в I–II вв. В III в. к ним присоединились переселившиеся из Ирландии скотты. Оба племени совершали губительные набеги на романизованную Брита-

нию, а потом на северные окраины Англии и сражались с норвежскими викингами, закрепившимися на востоке острова. В 954 г. шотландцам повезло: они завоевали Лотиан – равнину на берегах реки Твид, населенную потомками саксов и норвежских викингов. Шотландские короли получили много богатых подданных, привязали их к себе и с их помощью сократили самостоятельность вождей кельтских кланов. Но им пришлось перенять многие обычаи своих подданных, в частности феодальные институты и нравы. Богатые и энергичные жители Лотиана заставили своих кельтских владык превратить Шотландию в маленькое королевство, потому что они приняли на себя охрану границы с Англией [231, р. 120–121]. В XIV в. в Шотландию хлынули французские авантюристы, сподвижники королей Жана Балиоля и Робера Брюса, для войны с Англией. Французы умножили число пограничных феодалов. Реформация больше охватила кельтов, а в долинах наряду с кальвинистами удержались католики. Короче говоря, при генезисе этого народа смешались расы и культуры, родовой строй и феодализм, но сложность состава не нарушала этнической монолитности, что проявилось в столкновениях с англичанами, а позднее с ирландцами.

Еще характернее пример иного порядка – старообрядцы. Как известно, это небольшая часть великороссов, не принявших в XVII в. некоторых реформ церковного обряда. В те времена церковная служба несла функцию не только религии, но и синтетического искусства, т. е. заполняла эстети-

ческий вакуум. Поэтому требования к выполнению обряда были крайне высоки; ведь как в наше время никто не получает удовольствия от чтения плохих стихов или созерцания безобразных картин, так в XVII в. замена сугубой аллилуйи трегубой и потемневших образов новенькими розово-голубыми иконами шокировала определенную часть молящихся. Они просто не могли сосредоточиться в обстановке, которая их раздражала.

По сути дела, это был такой же раскол этноса, как в Западной Европе во время Реформации, но меньший по масштабам. При этом не все православные христиане высказались за старый обряд. Те же, кто на это решился, держались твердо, не страшась казней и мучений. При удобном случае они переходили в контрнаступление и расправлялись с никонианами так же круто, как те с ними. Это проявилось во время стрелецких восстаний при регентстве царевны Софьи. Накал страстей был одинаков у тех и других. В XVII в. спор шел только о церковном обряде, а в прочем – в быту, системе образования, в привычках – старообрядцы не выделялись из общей массы русских. Во втором поколении, при Петре I, они составляли определенную изолированную группу населения. К концу XVIII в. у них появились, а отчасти сохранились обычаи, обряды, одежды, резко отличные от тех, которые стали общепринятыми. Екатерина II прекратила гонения на старообрядцев, но это не привело к их слиянию с основной массой этноса. В новообразовавшуюся внутриэтни-

ческую целостность входили и купцы-миллионеры, и казаки, и полунищие крестьяне из Заволжья. Эта единица, сначала объединенная общностью судьбы, т. е. привязанностью к принципам, для них столь дорогим, что они ради этих принципов шли на смерть, стала группой, объединенной общностью быта, возглавленной духовными руководителями (наставниками) разных толков и направлений. В XX в. она постепенно начала рассасываться, так как повод для ее возникновения давно перестал существовать, оставалась только инерция.

Примеры, приведенные нами, яркие, но редки. Чаще функции внутриэтнических группировок принимают на себя естественно образующиеся территориальные объединения – землячества. Наличие таких делений, так же как и фратрий при родовом строе, не подрывает этнического единства.

Теперь мы можем сделать вывод: социальные формы, в которые облекаются внутриэтнические целостности, причудливы и не всегда совпадают с подразделениями этноса; внутриэтническое же дробление есть условие, поддерживающее целостность этноса и придающее ему устойчивость: оно характерно для любых эпох и стадий развития общества.

Варианты этнических контактов

До сих пор мы рассматривали дробные группы внутри больших этносов, но этим проблема отнюдь не исчерпана.

В реальном историческом процессе не наблюдается строго изолированного существования этносов, а имеют место разные варианты этнических контактов, возникающих на территориях, заселенных разными этносами, политически объединенными в полиэтнические государства. При изучении их взаимоотношений можно различить четыре варианта:

а) сосуществование, при котором этносы не смешиваются и не подражают друг другу, заимствуя только технические нововведения;

б) ассимиляция, т. е. поглощение одного этноса другим с полным забвением происхождения и былых традиций; с) метисация, при которой сохраняются и сочетаются традиции предшествующих этносов и память о предках; эти вариации обычно бывают нестойкими и существуют за счет пополнения новыми метисами; d) слияние, при котором забываются традиции обоих первичных компонентов и рядом с двумя предшествовавшими (или вместо них) возникает новый, третий этнос. Это по существу главный вариант этногенеза. Почему-то он наблюдается реже всех прочих.

Проиллюстрируем эту четырехчленную систему наглядными примерами. Вариант *a* наиболее распространен. Представим себе, что в трамвай входят русский, немец, татарин и грузин, все принадлежащие к европеоидной расе, одинаково одетые, пообедавшие в одной столовой и с одной и той же газетой под мышкой. Для всех очевидно, что они не идентичны, даже за вычетом индивидуальных особенностей [82, с.

46–47]. «Ну и что же? – возразил мне однажды один из моих оппонентов. – Если в этом трамвае не произойдет острого национального инцидента, все четверо спокойно поедут дальше, являя собой пример людей, оторвавшихся от своих этносов». Нет, по нашему мнению, любое изменение ситуации вызовет у этих людей разную реакцию, даже если они будут действовать заодно. Допустим, в трамвае появляется молодой человек, который начинает некорректно вести себя по отношению к даме. Как будут действовать наши персонажи? Грузин, скорее всего, схватит обидчика за грудки и попытается выбросить его из трамвая. Немец брезгливо сморщится и начнет звать милицию. Русский скажет несколько сакраментальных слов, а татарин предпочтет уклониться от участия в конфликте. Изменение ситуации, которое требует и изменения поведения, делает разницу стереотипов поведения у представителей разных этносов (суперэтносов) особенно заметной.

И это вполне объяснимо. Все вещи и явления познаются в сочетаниях. Насыпанные рядом сода и лимонная кислота дадут реакцию нейтрализации с бурным шипением только в том случае, если полить их водой. В истории, как в водном растворе, все время идут реакции, и нет надежды на то, что это кончится. Даже простое сосуществование разных этносов при сближении их не является нейтральным. Иногда оно просто необходимо. Так, в верховьях Конго банту и пигмеи живут в симбиозе. Без помощи пигмеев негры не могут хо-

дить по лесу, кроме как по тропкам, а последние без про-
чистки быстро зарастают. Негр банту может заблудиться в
лесу, как европеец, и погибнуть в 20 метрах от собственно-
го дома. А пигмеям нужны ножи, посуда и прочие предметы
обихода. Для этих двух этносов несхожесть – залог благопо-
лучия, на чем и зиждется их дружба.

Вариант длительного сосуществования при постоян-
ной вражде прекрасно описан Л. Н. Толстым, наблюдавшим
стычки гребенских казаков с чеченцами. Но он верно отме-
тил взаимное уважение двух соседних этносов и насторожен-
ность казаков к солдатам, которые на Тереке были пионера-
ми ассимиляции казаков великороссами. Последняя завер-
шилась в начале XX в.

Вариант *b* (ассимиляция) чаще всего осуществляется
методами не столь кровавыми, сколь обидными. Объекту ас-
симиляции предоставлена альтернатива: потерять либо со-
весть, либо жизнь. Спасти от гибели путем отказа от все-
го дорогого и привычного ради того, чтобы превратиться в
человека второго сорта среди победителей. Последние то-
же мало выигрывают, ибо приобретают соплеменников ли-
цемерных и, как правило, неполноценных, так как контро-
лировать можно только внешние проявления поведения по-
коренного этноса, а не его настроения. Англичан в этом убе-
дили в XIX в. ирландцы, испанцев – партизаны Симона Бо-
ливара, китайцев – дунгане. Примеров слишком много, но
дело ясно.

Вариант с (метисация) наблюдается очень часто, но потомство от экзогамных браков либо гибнет в третьем-четвертом поколении, либо распадается на отцовскую и материнскую линии. Например, турки в XVI в. считали, что достаточно произнести формулу исповедания ислама и подчиниться султану, чтобы стать истинным турком. Иными словами, они рассматривали этническую принадлежность как «состояние», которое можно менять произвольно. Поэтому турки принимали на службу любых авантюристов, если те были специалистами в каком-либо ремесле или в военном искусстве. Последствия дали о себе знать через сто лет.

Упадок Высокой Порты в XVII в. привлек внимание турецких писателей-современников. По их мнению, причиной упадка были «аджемогланы», т. е. дети ренегатов¹⁰, причем искренность неофитов не подвергалась сомнению. Некоторые ренегаты были энергичными и полезными людьми, например француз Кеприлю и грек Хайраддин Барбаросса, но большинство из них искали теплого местечка и добывали си-некуры через гаремы визирей, наполненные польками, хорватками, итальянками, гречанками и т. п. Эти проходимцы, не имея *ni foi ni loi*, разрушали османский этнос, и настоящие османы уже в XVIII в. были сведены на положение этно-

---

¹⁰ Название «ренегат» в те времена не имело оскорбительного оттенка, и переход на службу к врагу был явлением обыденным. Но если переход в рамках одного суперэтноса даже не считался изменой, то уход к мусульманам лишал ренегата былой этнической принадлежности, как поет в известной оперетте «Запорожец за Дунаем» герой, убежавший к туркам: «Теперь я турок, не казак».

са, угнетенного в своей собственной стране. Прилив инородцев калечил стереотип поведения, что сказалось на продажности визирей, подкупности судей, падении боеспособности войска и развале экономики. К началу XIX в. Турция стала «больным человеком». Анализируя причины столь странного превращения сильного народа в слабый и говоря о роли ренегатов, известный русский востоковед В. Д. Смирнов в своей диссертации писал: «Неужели же кто-нибудь хоть в шутку станет утверждать, что гг. Чайковский, Лангевич и т. п. личности из славян, греков, мадьяр, итальянцев и др. приняли ислам по убеждению? Без сомнения, никто. А между тем на долю подобных-то перевертней и выпал жребий воспользоваться плодами доблестных подвигов османского племени. Не имея никакой религии, они чужды были всяких нравственных убеждений; не чувствуя никаких симпатий к народу, над которым они властвовали, они жили одной животной жизнью. Гаремные интриги заменяли им настоящую, интересующую всякого истинного гражданина, политику. Семейные связи не вызывались у них изуродованным состоянием организма или восполнялись гнусным пороком... Понятие о благе не шло у них дальше благополучия собственного кармана. Чувство долга ограничивалось приисканием законных предлогов, которыми бы можно было прикрыть свои беззакония, не рискуя сделаться жертвою происков других подобных им общественных деятелей. Словом, будучи османами по имени, они не были ими в дей-

ствительности» [192, с. 266–267]. Где же решающий фактор: в природе или в гражданском состоянии?

Роль экзогамии

Итак, внедрение в Турцию иноплеменников обострило и без того нараставший кризис классовых противоречий, для которых превращение этнической целостности в химерную играло роль катализатора, ибо каждому понятно, что искренние лояльные чиновники ценнее, нежели лицемерные и беспринципные. И наоборот, развитие классовых противоречий для этногенеза османов играло роль вектора. Сочетание же этнических и социальных процессов в одном регионе оказалось фактором антропогенной ломки ландшафтов некогда богатейших стран мира, в древности именовавшихся странами «благодатного Полумесяца». Завоевания Селима I в XVI в. отдали в руки османских султанов Сирию, Палестину, Египет и Месопотамию, где интенсивное земледелие еще в III тыс. до н. э. преобразило первозданный ландшафт.

Шумеры в низовьях Тигра и Евфрата «отделили воду от суши», а созданную ими страну современники называли «Эдем». Аккадийцы построили Вавилон – «Врата Бога», первый в мире город с миллионным населением, для которого хватало пищи без привоза из дальних стран. Антиохия, а потом Дамаск были большими, веселыми и культурными

городами, процветавшими за счет местных ресурсов. Малая Азия кормила огромный Константинополь.

Однако культурный ландшафт нуждался в том, чтобы его постоянно поддерживать. Это понимали арабские халифы, покупавшие в Занзибаре рабов для сохранения ирригации в Месопотамии, византийские автократы, специальными эдиктами укреплявшие мелкое крестьянское хозяйство как наиболее интенсивное в тех природных условиях, и даже монгольский ильхан Газан, организовавший строительство канала в засушливой части Северного Двуречья. Развал культурных ландшафтов Передней Азии наступил поздно: в XVII–XIX вв., во время глубокого мира и упадка Османской империи, так как замученные поборами сирийские, иракские и киликийские крестьяне бросали свои участки и искали лучшей доли в прибрежных пиратских городах, где можно было либо легко разбогатеть, либо сложить голову. А те, кто оставался дома из-за лени или трусости, запускали ирригацию и превращали страну, некогда богатую и обильную, в пустошь.

Начало этого страшного и губительного процесса отмечали уже современники. Французский авантюрист и врач в гвардии Ауренгзеба, Франсуа Бернье, наблюдавший аналогичные порядки в Индии, подвластной Великим Моголам, в письме Кольберу предрек неминуемое ослабление трех больших мусульманских царств: Индии, Турции и Персии, причем относительно последней он считал, что упадок бу-

дет медленным, так как персидская аристократия – местного происхождения [25].

И ведь он не стоваривался с Кучибеем Гомюрджинским. Совпадение произошло потому, что два умных человека наблюдали один и тот же процесс, умея делать выводы и прогнозы. И нам приходится согласиться с тем, что при стабильном социальном устройстве, в условиях одной и той же формации, но при меняющемся соотношении этнических компонентов в политической системе – государстве состояние ландшафта, как чуткий барометр, показывает возникновение или наличие подъемов и упадков, а также периодов стабилизации.

Но если так, то у нас нет оснований отрицать причину, указанную упомянутыми авторами: появление в системе новых этнических групп, не связанных с ландшафтами региона и свободных от ограничений экзогамных браков, ибо эти ограничения, поддерживая этническую пестроту региона, ведут к сохранению ландшафтов, вмещающих мелкие этнические группы. Но коль скоро так, то природу и культуру губят свободное общение и свободная любовь!

Вывод неожиданный и пугающий, но это – перефразированный второй закон Ньютона: что выигрывается в общественной свободе, то теряется при контакте с природой, точнее – с географической средой и собственной физиологией, ибо природа находится и внутри наших тел.

Поскольку же аналогичные явления имели место и в Ри-

ме, и в Древнем Иране, и во многих других странах, то легко заметить общую закономерность: при наличии эндогамии как этнического барьера процессы шли медленнее и менее мучительно, а ведь для этноса не все равно: просуществует он 300 лет или 1000. И поэтому замечание Ю. В. Бромлея о стабилизирующей роли эндогамии – барьера против инкорпорации – является бесспорным [36].

Опыт интерпретации

Попробуем интерпретировать описанное явление. Если этносы – процессы, то при столкновении двух несхожих процессов возникает интерференция, нарушающая каждую из исходных частот. Складывающиеся объединения химерны, а значит, нестойки перед посторонними воздействиями и недолговечны. Гибель химерной системы влечет аннигиляцию ее компонентов и вымирание людей, в эту систему вовлеченных. Таков общий механизм нарушения заданной закономерности, но он имеет исключения. Именно неустойчивость исходных ритмов является условием возникновения нового ритма, т. е. нового этногенетического инерционного процесса. С чем это связано, мы пока говорить не будем, потому что это слишком серьезный вопрос, чтобы решать его между делом. Но ясно, что для сохранения этнических традиций необходима эндогамия, потому что эндогамная семья передает ребенку отработанный стереотип поведения, а эк-

зогамная семья передает ему два стереотипа, взаимно погашающих друг друга. Итак, экзогамия, отнюдь не относящаяся к «социальным состояниям» и лежащая в иной плоскости, оказывается в числе факторов этногенеза, т. е. реальным деструктивным фактором при контакте на суперэтническом уровне. И даже в тех редких случаях, когда в зоне конфликта появляется новый этнос, он поглощает, т. е. уничтожает, оба прежних. В заключение скажем, что в указанном примере, а также в подавляющем большинстве случаев расовый принцип не играет никакой роли. Речь идет не о соматических различиях, а о поведенческих, ибо степняки, тибетские горцы и китайцы принадлежали к единой монголоидной расе I порядка, а при уточнении до II порядка видно, что северные китайцы по расовым признакам ближе к сяньбийцам и тибетцам, нежели к южным китайцам. Однако внешнее сходство черепных показателей, цвета глаз и волос, эпикантуса и прочего для этногенетических процессов значения не имело.

Из приведенного примера очевидна и связь этноса с ландшафтом, иногда подвергаемая сомнению. Хунны, заняв долину Хуанхэ, пасли там скот, китайцы засевали пашни и строили каналы, а их помеси, не имея навыков ни к скотоводству, ни к земледелию, хищнически обирали соседей и подданных, что повело к образованию залежных земель и восстановлению естественного биоценоза, хотя и обедненного за счет вырубki лесов и истребления копытных во время царских охот. Все сходится.

Таким образом, не только теоретические соображения, но и необходимость интерпретации фактических данных заставляет отвергнуть концепцию этноса как состояния. Но если этнос – долгоидущий процесс, то он является частью биосферы Земли, а поскольку с этносом связано изменение ландшафтов путем использования техники, то этнологию следует причислить к географическим наукам, хотя первичный материал она черпает из истории в узком смысле слова, т. е. изучения событий в их связи и последовательности.

6. Этнический стереотип поведения

Несхожесть как принцип

Каждый этнос имеет свою собственную внутреннюю структуру и свой неповторимый стереотип поведения. Иногда структура и стереотип поведения этноса меняются от поколения к поколению. Это указывает на то, что этнос развивается, а этногенез не затухает. Иногда структура этноса стабильна, потому что новое поколение воспроизводит жизненный цикл предшествовавшего. Такие этносы можно назвать персистентами, т. е. пережившими себя, но об этой стороне дела речь пойдет ниже, а пока уточним смысл понятия «структура» применительно к стереотипу поведения вне за-

висимости от степени ее устойчивости и характера изменчивости.

Структура этнического стереотипа поведения – это строго определенная норма отношений: а) между коллективом и индивидом; б) индивидов между собой; в) внутриэтнических групп между собой; г) между этносом и внутриэтническими группами. Эти нормы, в каждом случае своеобразные, изменяясь то быстро, то очень медленно, негласно существуют во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в каждом этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития, поэтому для членов этноса они отнюдь не тягостны. Соприкасаясь же с другой нормой поведения в другом этносе, каждый член данного этноса удивляется, теряется и пытается рассказать своим соплеменникам о чудачестве другого народа. Собственно говоря, такие рассказы и составляют этнографию, науку столь же древнюю, как и межэтнические связи. Разница между ее первичным состоянием и научным обобщением лишь в широте охвата и систематизации сведений, да еще в том, что этнографы не шокируют обычаи и обряды иного этноса.

Поясним на примерах. Древний афинянин, побывав в Ольвии, с негодованием рассказывал, что скифы не имеют домов, а во время своих праздников напиваются до бесчувствия. Скифы же, наблюдая вакханалии греков, чувствовали такое омерзение, что, однажды увидев своего царя, гостившего в Ольвии, в венке и с тирсом в руках в составе процес-

сии ликующих эллинов, убили его. Иудеи ненавидели римлян за то, что те ели свинину, а римляне считали противозаконным обычай обрезания. Рыцари, захватившие Палестину, возмущались арабским обычаем многоженства, а арабы считали бесстыдством незакрытые лица французских дам, и т. д. Примерам несть числа.

Этнографическая наука подобную непосредственность преодолела и внесла в наблюдения принцип системы – как действующей нормы взаимоотношений индивидов. Эта норма определяет взаимоотношения как индивидов между собой, так и их с коллективом в целом. Для примера возьмем простейший случай брачно-сексуальных отношений. Грубо говоря, формы таких отношений очень разнообразны: от моногамной семьи до полной свободы половых отношений. Например, у одних народов для девушки при бракосочетании обязательна наивность, а у других – предварительное обучение приемам любви. Иногда развод легок, иногда затруднен, иногда – невозможен вообще. У одних народов сожителство жен с посторонними мужчинами карается как супружеская неверность, у других – поощряется (например, уйгуры в оазисе Хами, как мы уже упоминали, так привыкли уступать своих жен проезжим купцам, что, даже разбогатевав под покровительством Чингисидов, не хотели отказаться от обычая, казавшегося их соседям постыдным).

Точно так же мы можем проанализировать вариации восприятия чувства долга. В феодальной Англии или Франции

вассал был обязан служить сюзерену только в случае получения бенефиция («зарплаты»): лишаясь такового, он имел право перейти к другому сюзерену (например, к испанскому королю). Изменой считался только переход к иноверцам, например мусульманам, но это практиковалось настолько часто, что возник специальный термин – ренегат. Наоборот, в Риме или Греции несение общественных обязанностей не сопровождалось оплатой, а было долгом гражданина полиса. Впрочем, эти граждане так наживались на общественной работе, что вознаграждали себя сверх меры.

Сила этнического стереотипа поведения огромна потому, что члены этноса воспринимают его как единственно достойный, а все прочие – как «дикость». Именно поэтому европейские колонизаторы называли индейцев, африканцев, монголов и даже русских дикарями, хотя те с таким же правом могли сказать это об англичанах. Китайское же высокомерие было еще более запелляционным. Вот, например, что указывалось в географической справке Минской эпохи во Франции: «Лежит в юго-западном море... В 1518 г. король отправил посланника с земскими произведениями и просил признать его королем» [29, с. 638].

Изменчивость стереотипов поведения

Стереотип поведения этноса столь же динамичен, как и сам этнос. Обряды, обычаи и нормы взаимоотношений ме-

няются то медленно и постепенно, то очень быстро. Взглянем, например, на Англию. Разве можно узнать потомка свирепого сакса, убивавшего кельтских ребятишек, в веселом браконьере Робин Гуде или стрелке из «Белого отряда», а его прямого потомка – в матросе-корсаре Фрэнсиса Дрейка или в «железнобоком» солдате Кромвеля? А их наследник – клерк лондонского Сити, то аккуратный и чопорный в Викторианскую эпоху, то длинноволосый декадент и наркоман XX века? А ведь Англия всегда была страной консервативной. Что же говорить о других этносах, на облик которых влияет не только внутреннее развитие, но и посторонние воздействия – культурные заимствования, завоевания, влекущие за собой принудительные изменения обычаев, и, наконец, экономические нажимы, меняющие род занятий и насильственно регулирующие потребности этноса¹¹?

Говоря о стереотипе поведения этноса, мы обязаны всегда указать эпоху, о которой идет речь. И не следует думать, что так называемые «дикие» или «примитивные» племена более «консервативны», нежели цивилизованные нации. Это мнение возникло исключительно вследствие малой изученности индейцев, африканцев и сибирских народов. Достаточно было организовать в Канаде продажу водки, а на Таити – консервов, и сразу же менялся стереотип поведения дакотов и

---

¹¹ Таков был, например, ввоз опиума в Китай в XIX в. Причем сначала путем распространения наркотика по низким ценам был создан спрос на него. Аналогична продажа спиртных напитков индейцами Канады за меха.

полинезийцев, причем редко к лучшему. Однако во всех случаях изменения шли своим путем, на базе уже сложившихся навыков и представлений. В этом – неповторимость любого этногенетического процесса, а также причина того, что процессы этногенеза никогда не копируют друг друга. Правда, закономерность есть и тут, надо только уметь ее найти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.